

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР #1

ДЖЕННИФЕР ПРОБСТ

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

БРАЧНАЯ ЛОВУШКА

КНИГА, СПОСОБНАЯ
ПОХИТИТЬ ВАШЕ СЕРДЦЕ.

NEW YORK TIMES

Annotation

Чтобы исполнить волю покойного отца, любвеобильный миллионер Майкл Конте должен отыскать себе жену, причем такую, которую примет его придерживающаяся старых традиций семья. Он должен это сделать как можно скорее, чтобы его сестре позволили выйти замуж за любимого человека. Не желая связывать себя семейными узами, Майкл придумывает хитроумный план: если рыжеволосая свободолюбивая Мэгги Райан, фотограф-профессионал, согласится сыграть роль его жены во время поездки на съемки в Милан, где проживают родственники Майкла, он оставит в покое ее замужнюю подругу Алексу.

Однако едва эта пара оказывается в Италии, «деловые отношения без обязательств» превращаются в настоящую бурю страсти. Может ли брак стать самой притягательной в мире ловушкой?

Впервые на русском языке!

Дженнифер Пробст

Брачная ловушка

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ МУЖУ.

Мне кажется, любовный приворот все-таки существует и приводит к счастливому финалу.

Спасибо за то, что ты рядом во всех безумствах и хаосе нашей жизни.

Спасибо, что не даешь мне окончательно сойти с ума и что ты потрясающий отец, но более всего — за приготовленный ужин.

Я люблю тебя.

Кроме того, эта книга посвящается моим сказочным, великолепным, удивительным редакторам — Лиз Пеллетье и Либби Мерфи.

Без вас ничего просто не было бы.

Глава 1

Мэгги Райан поднесла к губам стакан с «Маргаритой» и сделала большой глоток. Терпкая горечь, смешавшись со вкусом соли, обожгла язык и растеклась огнем по жилам. Увы, недостаточно быстро. У нее пока еще хватало здравого смысла, чтобы усомниться в разумности своих действий.

Книжка в лиловом тканевом переплете дразнила, притягивая взгляд. Мэгги снова взяла ее в руки, полистала — и отшвырнула на современный стеклянный столик. Что за нелепость! Подумать только — «Любовные привороты»! Ни за что на свете она до такого не опустится. Нет, когда Алекса, лучшая подруга Мэгги, прибегла к любовной ворожке, сама Мэгги всячески поддерживала и поощряла ее усилия в поиске суженого.

Но то был совсем другой случай.

Мэгги шепотом выругалась и вперила взгляд в окно. Сквозь бамбуковые жалюзи сеялся редкий лунный свет. Еще один растроченный впустую вечер. Еще одно провальное свидание. Демоны подступают все ближе, но некому здесь отгонять их до самого рассвета.

Почему она ни разу не ощутила настоящей близости? Тот, последний мужчина был умен, обаятелен, покладист. Когда они наконец прикоснулись друг к другу, Мэгги ожидала вспышки возбуждения... хотя бы смутного влечения, на худой конец. И — ничего. Пшик. Словно она одеревенела ниже пояса. Одно лишь тоскливое ощущение пустоты... и желания чего-то большего.

Волна отчаяния захлестнула ее с головой. Знакомый страх тисками сдавил грудь, но Мэгги отогнала его и усилием воли вынырнула из черной бездны. Да ну, к черту! Не хватало еще, чтобы в собственном доме с ней случился приступ! Мэгги вцепилась в эту злость, как в спасательный круг, и задышала глубоко и ровно.

Дурацкие приступы! Мэгги терпеть не могла таблетки и не желала их принимать, убежденная, что с подобными случаями можно справиться одной только силой воли. Быть может, ее раньше времени настиг кризис среднего возраста? В конце концов, ее жизнь во всем остальном — почти идеал.

У нее есть все, о чем мечтает подавляющее большинство людей. Она объездила весь мир, она фотографирует красавцев-манекенщиков в нижнем белье. Она обожает свою стильную квартирку, не требующую больших затрат. Ее кухня блистает безупречно чистой стальной утварью и керамической плиткой. Кофеварка эспрессо последней модели и шейкер для приготовления «Маргариты» красноречиво свидетельствуют о том, что она живет в свое удовольствие — под стать героям «Секса в большом городе». Дорогие белые ковры и кожаная мебель им в тон прозрачно намекают на отсутствие детей в доме, знаменуя воплощенную стильность. Мэгги делает что хочет и когда хочет — и ни перед кем, черт возьми, не должна отчитываться. Она привлекательна, финансово обеспечена и здорова, если не считать редких приступов паники. И все же... все же один вопрос гложет ее с раздражающим постоянством, становясь с каждым прожитым днем все настырнее.

И это все?

Мэгги встала, одернула красный шелковый халат и сунула ноги в того же цвета пушистые шлепанцы, увенчанные дьявольскими рожками. Она уже достаточно пьяна, и потом, никто ничего не узнает. Может быть, это занятие успокоит ее нервы.

Она сгрэбла лист бумаги и набросала список всех качеств, которые жаждала обнаружить

в мужчине.

Развела небольшой огонь.

Нараспев произнесла заклинание.

Внутренний голос заливисто хихикал, потешаясь над этой безумной выходкой, но Мэгги заглушила это хихиканье очередным глотком текилы, наблюдая за тем, как горит бумага.

В конце концов, ей больше нечего терять.

* * *

У солнца был разъяренный вид.

Стоя на пороге своего прибрежного владения, Майкл Конте наблюдал за тем, как великолепный диск ожесточенно карабкается на вершины гор. Раскаленный огненно-алый лик подымался все выше, брызжа яростными искрами и безжалостно уничтожая остатки ночной тьмы. Глядя на то, как владыка утра горделиво торжествует свою временную победу, Майкл на краткий миг задумался, испытает ли он еще когда-нибудь подобное чувство.

Ощутит ли себя настолько... живым.

Майкл помотал головой, высмеивая собственные мысли. Ему не на что сетовать. Его жизнь почти идеальна. Проект застройки береговой линии близится к завершению, и очень скоро первая в Штатах пекарня, принадлежащая его семье, возьмет штурмом новый рынок. Майкл надеялся, что так и будет.

Он окинул взглядом берег, отмечая признаки перемен. Прибрежный участок в долине реки Гудзон, некогда обветшавший и наводненный преступными элементами, ныне сказочно преобразился, и к этому преображению был причастен Майкл Конте. Он и два других инвестора вложили в свою мечту немалые суммы, и Майкл верил, что их группу ждет успех. Теперь между клумбами, на которых цвели розы, протянулись вымощенные плиткой дорожки, а у причала вновь появились суда — величавые шхуны и знаменитый в округе паром, на котором устраивались прогулки для детей.

Косметический салон и японский ресторан, расположившиеся по соседству с пекарней Майкла, имели самую разнородную клиентуру. Миновал долгий год трудов в поте лица, и теперь до открытия оставались считанные недели.

И тогда «Ла долъче фамилия» наконец обоснуется в Нью-Йорке.

Радостная дрожь пробежала по телу Майкла, но к этой радости отчего-то примешивалась странная опустошенность. Что с ним в последнее время творится? Он стал меньше спать, а когда время от времени позволял себе развеяться с женщиной, то разлад, царивший в душе, становился наутро лишь сильнее. Казалось бы, у него есть все, о чем можно мечтать. Богатство. Любимое дело. Родные, друзья, отменное здоровье. И возможность заполучить любую женщину, которая придется ему по вкусу. Итальянец, обитавший в душе Майкла, страстно мечтал о чем-то большем, нежели здоровый секс, но Майкл не знал, существует ли на самом деле это «большее».

Во всяком случае, для него. словно где-то внутри пришла в негодность некая важная деталь.

Раздраженный этим нытьем, Майкл круто повернулся и зашагал по дорожке. Подал голос мобильный телефон. Майкл выудил его из недр кашемирового пальто и мельком глянул на высветившийся номер.

Черт!

Мгновение он медлил, а затем с обреченным вздохом нажал кнопку ответа:

— Да, Венеция? Что на этот раз?

— Майкл, я попала в беду! — Итальянская скороговорка хлестнула по ушам пулеметной очередью.

Майкл вслушивался в эту тираду, безнадежно пытаюсь различить хоть что-то осмысленное среди судорожных всхлипываний.

— Ты сказала, что выходишь замуж?

— Майкл, да ты меня вовсе не слушал! — Венеция поспешила перейти на английский. — Ты должен мне помочь!

— Не части. Сделай глубокий вдох, еще, еще... а потом расскажи все с самого начала.

— Мама не разрешает мне выйти замуж! — выпалила она. — И все из-за тебя! Ты же знаешь, мы с Домиником знакомы уже много лет, и я все надеялась и молилась, чтобы он задал тот самый вопрос... И вот наконец-то это случилось! Ах, Майкл, он привез меня на пьядца Веккиа, опустился передо мной на одно колено, а кольцо такое красивое, просто глаз не оторвать! Конечно же, я сказала «да», и мы тут же бросились к маме, чтобы сообщить о нашей помолвке всей семье, и тут...

— Погоди-ка, — раздражаясь, перебил Майкл, — что-то я не припомню, чтобы Доминик обращался ко мне за разрешением просить твоей руки. Почему мне об этом ничего не известно?

Сестра издала долгий, выразительный вздох.

— Ты что, издеваешься? Это же совсем древний обычай, а ты сейчас даже не в Италии, да и всем известно, что мы собирались пожениться и что наш брак только вопрос времени. Как бы то ни было, сейчас все это не имеет никакого значения, потому что я останусь старой девой и навсегда потеряю Доминика! Он нипочем не станет меня дожидаться, а виноват во всем только ты!

Кровь стучала у него в висках в такт отчаянным всхлипам Венеции.

— Почему это я?

— Мама сказала, что я не смогу выйти замуж, пока ты не женишься! Помнишь ту нелепую традицию, которой держался папа?

Холодок страха пробежал по спине Майкла и канул куском льда в желудок. Это же невысказано! Старинной семейной традиции попросту нет места в нынешнем обществе. Нет, конечно, в Бергамо всегда придавали большое значение завету, что старший сын в семье должен жениться первым, и Майкл, будучи старшим мужчиной в семье, естественно, считался ее главой... но все же времена обязательных браков давно миновали.

— Наверняка произошло недоразумение, — убежденно произнес он. — Я с этим разберусь.

— Мама сказала, что кольцо я могу носить, но о свадьбе не может быть и речи, пока не женишься ты! Тогда Доминик разозлился и заявил, что не знает, хватит ли у него терпения дожидаться, когда мы будем вместе, а мама взбеленилась и обозвала его непочтительным. Вышла страшная ссора, и теперь моя жизнь кончена, бесповоротно кончена! Как она может так со мной поступать? — Из мобильника хлынули судорожные рыдания.

Майкл зажмурился. Глухой стук крови в ушах стал уже нестерпимым.

— Успокойся! — властно одернул он, оборвав причитания Венеции с раздражением, которого и не пытался скрыть. Сестра, привыкшая к тому, что в семье его слово — закон,

тотчас послушно притихла. — Все знают, что вы с Домиником созданы друг для друга. Тебе не о чем тревожиться. Я сегодня же поговорю с мамой.

— А вдруг тебе не удастся ее уговорить? — Сестра шумно всхлипнула. — Вдруг она лишит меня наследства, если я выйду за Доминика без ее разрешения? Я потеряю все... но разве можно отказаться от того, кого любишь?

Сердце Майкла на миг замерло, потом забилось чаще. Бог мой, вот только этой передрыги ему не доставало! Если разразится семейный скандал, ему придется лететь домой, к тому же у матери большое сердце, и Майкл, помня об этом, всерьез опасался за ее здоровье. Две другие его сестры, Джульетта и Карина, вполне вероятно, не смогут своими силами справиться со страданиями Венеции. Итак, прежде всего необходимо обуздать разошедшуюся сестренку. Майкл крепко стиснул в кулаке мобильник.

— Ничего не предпринимай, пока я не поговорю с мамой. Ты меня поняла? Я обо всем позабочусь. Ты только скажи Доминику, чтобы потерпел, пока я не улажу это дело.

— Хорошо. — Голос Венеции дрогнул, и Майкл вдруг осознал, что, несмотря на всегдашнюю склонность сестры к театральным драмам, она действительно любит своего жениха и хочет стать его женой.

В свои двадцать шесть Венеция уже была старше большинства замужних подружек, и теперь она наконец собиралась соединить жизнь с мужчиной, который был по душе и брату.

Майкл поспешно закончил разговор и широким шагом пошел к машине. Надо будет вернуться в кабинет и все обдумать. А если для того, чтобы разрулить эту ситуацию, ему и впрямь придется жениться? При этой мысли у Майкла вспотели ладони, и он едва поборол соблазн вытереть их о безупречно отглаженные брюки. Работа съедала все его свободное время, а потому поиски спутницы жизни он давно уже поместил в самый низ списка неотложных дел. Само собой, Майкл уже знал, какой должна быть его будущая жена. Добродушная, с мягким характером, веселая. Умная. Преданная. Женщина, которая хочет растить детей и заниматься домом, но достаточно независимая, чтобы иметь собственное призвание. Женщина, которая идеально впишется в его семью.

Майкл нырнул в изящное нутро «альфа-ромео» и завел мотор. Перед его мысленным взором ослепительно, как неоновая вывеска, вспыхнул главный вопрос. Что, если у него нет времени на поиск этой идеальной жены? Сумел бы он найти женщину, с которой можно заключить деловое соглашение, чтобы мать успокоилась, а Венеция смогла выйти за своего избранника? И если да, то где, во имя Дантова ада, эту женщину искать?

Размышления Майкла прервал сигнал мобильного. Судя по высветившемуся номеру, Доминик не пожелал ждать, когда его успокоят, и намерен драться за руку его сестры.

Майкл потянулся к мобильнику, и в голове у него загудело.

День обещал быть долгим.

— Возьми-ка ребенка.

Мэгги машинально подхватила младенца, а брат, сунув ей в руки неистово извивающийся сверток, стремительно удалился. Как всегда! Хитроумная игра Ника в «подержи ребеночка» была для Мэгги не внове, и она решительно не желала участвовать в этой игре в качестве болвана. Обычно такое происходило, когда ее племянница...

— А, черт!

В ноздри ударила недвусмысленная вонь. Племянница гордо заулыбалась, пуская слюну, и клейкие струйки брызнули на шелковые брюки Мэгги. Подгузник Лили раздулся от черт-те какой дряни, три прядки волос торчали дыбом, как у свихнувшегося Альфальфы^[1].

— Извини, Лили, но тетя Мэгги не меняет подгузники. Вот когда подрастешь, я научу тебя ездить на мотоцикле, расскажу, как забить симпатичного парня на выпускной и купить свое первое фальшивое удостоверение личности. До тех пор на меня не рассчитывай.

Лили запихнула в беззубый ротик кулачок и с восторгом принялась его сосать.

Мэгги сдержала смешок и наскоро огляделась — не мелькнет ли поблизости какой-нибудь родственник, которому можно по-быстрому всучить Лили. Увы, большинство гостей теснились в кухне и столовой — в приятной близости от шведского стола. Мэгги вздохнула, поднялась с кушетки, вскинув Лили на бедро... и едва не врезалась в человека, который выводил ее из себя, как никто другой.

В Майкла Конте.

Его сильные руки подхватили Мэгги прежде, чем она успела покачнуться. Прикосновение обожгло, словно брызги раскаленного масла, но Мэгги и бровью не повела, твердо решив, что Майкл ни за что на свете не узнает, как он на нее действует. Он, по сути, украл ее лучшую подругу, втеревшись в семью Алексы с непринужденным обаянием, которое приводило Мэгги в бешенство. С тех пор как ее брат создал проект реконструкции береговой линии, Майкл обзавелся кругом обязанностей, который практически обеспечил ему место члена семьи. Мэгги натыкалась на него повсюду, и каждая такая встреча напоминала о том провальном свидании вслепую и о пережитом ею унижении.

— Что-то не так, cara?^[2]

Ласкающий тембр его голоса вошел в солнечное сплетение, словно обтянутый бархатом кулак. Лили расплылась в беззубой улыбке и почти что вздохнула. Да и кто бы не вздохнул? Майкл все-таки потрясающий красавец.

Мэгги проанализировала его внешность с той безжалостностью, которая сделала ее одним из самых востребованных фотографов в модной индустрии. Длинные черные, как вороново крыло, волосы Майкла были зачесаны назад и стянуты на затылке в конский хвост. В лице его удивительным образом сочетались изящество и сила — выпуклый открытый лоб, высокие скулы, сильный подбородок, прямой нос с легкой горбинкой, которая лишь усиливала его обаяние. Оливково-смуговая кожа Майкла выдавала его итальянское происхождение.

Однако убийственнее всего действовали на Мэгги его глаза. Темные, проникновенные, миндалевидные, окаймленные густыми ресницами. Вечно искрящиеся веселым коварством и первобытной страстью, которой не мог скрыть налет цивилизованной утонченности.

Мэгги ощутила прилив раздражения. Почему Майкл так занимает ее мысли? По роду

своих занятий ей постоянно приходилось иметь дело с полуголыми мужчинами, которым Майкл с точки зрения внешности в подметки не годился. Совершенство их напоминало античные мраморные статуи, и Мэгги крайне редко испытывала возбуждение, когда прикасалась к обнаженному телу натурщика, придавая ему нужную позу. На ее счету было несколько свиданий с натурщиками, но всякий раз она не допускала ни малейшего сближения, приятно проводила время в их компании — и уходила, ни разу не оглянувшись назад. Майкл — другое дело. Майкл пробуждал в ней глубинную потребность женского естества, которой она прежде никогда не испытывала.

Мэгги решительно отогнала эту неприятную мысль и, подвинув Лили, пристроила ее повыше на бедре.

— Привет, Граф, — бросила она, постаравшись, чтобы голос ее прозвучал как можно более равнодушно. — Как тебя сюда занесло?

Нижняя губа Майкла подозрительно дрогнула.

— Я ни за что на свете не позволил бы себе пропустить день рождения Алексы.

— Ну да, конечно. Ты ведь не пропускаешь ни единого события, которое касается Алексы.

— Сара, ты сомневаешься в моих побуждениях? — выразительно вскинул бровь Майкл.

Мэгги ненавидела этот голос с хрипотцой, обволакивавший сознание, словно жаркий дурманящий дым. Однако еще больше она ненавидела тело Майкла, литые мускулы, которые ладно облегал мягкий кожаный пиджак от Армани. Майкл был одет в васильково-синнюю рубашку с пуговицами на воротнике, джинсы и черные туфли из крокодиловой кожи фирмы «Пачиотти». В добавление к гангстерскому стилю он источал мужественность, и эта сила, соединенная с непреодолимым обаянием, буквально сбивала ее с ног. Майкл искусно притворялся, что ему на все плевать, но Мэгги замечала, что под этой маской кроется острый ум, который поблескивал в глубине непроглядно-черных глаз.

В конце концов, она и сама скрывала от мира то же самое.

Мэгги одарила Майкла чарующей, отточенной до совершенства улыбкой:

— Конечно же нет. Просто намекаю на довольно тесные отношения, которые, судя по всему, ты установил с женой моего брата.

Майкл хихикнул и пощекотал Лили под подбородком. Малышка залилась смехом. Даже собственная племянница готова изменить Мэгги ради Майкла.

— Да, но ведь мы с Алексой друзья, так? И не будь твоего брата, моя мечта о пекарне никогда не обрела бы плоть. Его проект поистине великолепен.

— Какое удобное совпадение, — проворчала Мэгги.

Майкл, словно чувствуя, что раздражает ее, подался вперед. В ноздри ей ударил запах крепкого кофе и чистой кожи, смешанный с едва уловимым ароматом одеколona «Кристиан Диор». Взгляд Мэгги помимо воли оказался прикован к полным, скульптурно очерченным губам Майкла, от которых веяло сексом и грехом.

— Мэгги, ты хочешь что-то мне сказать? — вполголоса, вкрадчиво осведомился он. — Я ведь помню с того нашего ужина, что обычно ты более... откровенна.

Черт бы его побрал! Мэгги поборола приливающий к лицу жар и предостерегающе прищурилась:

— А я помню, что ты обычно более... честен.

Майкл отстранился, и она наконец-то смогла перевести дух.

— Да, возможно, мы оба тем вечером ошиблись.

Вместо ответа Мэгги подняла Лили и сунула ее в руки Майклу. Он принял малышку так бережно и непринужденно, что Мэгги тотчас пожалела о своем решении.

— Мне нужно поговорить с Алексой, а Лили — сменить подгузник. Окажи нам услугу, займись этим, хорошо? — сладко улыбнулась она. — В конце концов, ты почти член семьи. Где находится детская, ты знаешь.

И, круто развернувшись, ушла.

* * *

Мэгги пробиравлась по роскошно отделанной в тосканском стиле кухне, исполненная решимости добыть бокал вина. И почему никто больше не замечает, что этот тип нацелился на ее лучшую подругу? Брат Мэгги всегда терпеть не мог Майкла, но теперь приглашает его на все семейные приемы и предоставляет полную возможность общаться со своей женой. Мэгги пару раз говорила об этом Алексе, но говорила не всерьез, сводя все к шутке и ничем не намекая на интимную подоплеку дела.

Бред!

Мэгги знала, что Алексе подобная возможность даже в голову не приходила — просто потому, что она была по уши влюблена в Ника и привыкла видеть людей с лучшей стороны. Мэгги безоговорочно доверяла Алексе.

Зато она ни капельки не доверяла обаятельному итальянцу, который так ловко втерся в их семью.

Весь минувший год она изучала Майкла, не сомневаясь, что обнаружит у него какую-нибудь постыдную слабость — на случай, если понадобится шантажировать его, чтобы вынудить держаться подальше от Алексы и Ника.

И не обнаружила ровным счетом ничего, кроме одного поразительного пункта.

Женщины.

Майкл был известным бабником. Мэгги могла побиться об заклад, что у него не было отбоя от женщин в Италии и с переездом в Нью-Йорк ничто не изменилось. В долине реки Гудзон Майкл считался одним из самых завидных женихов. Даже в колонках местных сплетен невозможно было обнаружить ни единого резкого слова о его поведении. И все же факт оставался фактом.

Он так и не обзавелся постоянной подругой.

Самая долгая его связь в прошедшем году продолжалась две недели. Мэгги подавила мрачноватый смешок. Можно сказать, что Майкл был точной копией ее самой, только мужского пола. Она могла представить себе лишь одну основательную причину, почему он чурается длительных отношений.

Алекса.

Майкл настолько влюблен в Алексу, что не желает связывать себя ни с какой другой женщиной. Благодарение Богу, что он ответил отказом, когда Мэгги предложила встретиться еще раз! Воспоминания об этой минуте до сих пор вгоняли ее в краску. Никогда прежде Мэгги не отвергал мужчина, особенно такой, к которому ее изначально влекло.

Мэгги налила себе бокал каберне и неспешно прошлась по элегантно обставленной столовой. Она заметила, что из столовой исчезли кое-какие антикварные безделушки, а также мебель с острыми углами, — дом ее брата начал готовиться к тому, что в нем будет

жить ребенок.

Алекса с тарелкой, полной еды, налетела на нее, словно охотничий сокол на добычу:

— Ты почему ничего не ешь? Мне нужна поддержка! Я сейчас пытаюсь сбросить послеродовой вес... но эти закуски такие аппетитные — не устоять!

Мэгги одарила лучшую подругу веселой улыбкой:

— Да ты выглядишь потрясающе. Бог мой, до чего у тебя большая грудь! Я сейчас лопну от зависти.

Черное платье до колен, с круглым вырезом, выгодно облегалo аппетитную фигуру Алексы.

— Вот он — плюс грудного кормления! — Подруга показала Мэгги язык. — Будем надеяться, что у меня не потечет молоко, не то конец моей потрясающей сексуальности. Где Лили?

— С Майклом. — Мэгги постаралась скрыть злорадную усмешку. — Он меняет ей подгузник.

— За что ты его так? — застонала Алекса. — Вечно ему от тебя достается! Надо пойти помочь.

С этими словами она отставила тарелку, но Мэгги поспешно схватила ее за руку:

— Ну хорошо, хорошо! Я схожу посмотрю, как он там. Уверена, он отдал Лили твоей маме. Он не дурак, Эл, и вдобавок мужчина. Мужчины не меняют младенцам подгузники.

— Ник меняет.

— Похоже, не всегда, — закатила глаза Мэгги. — Он отдал Лили мне, потому что знал, что она обделалась.

Алекса метнула убийственный взгляд на супруга, обретавшегося в другом конце столовой.

— И почему меня это удивляет? Как-то вечером он попросил меня взять Лили на одну минутку, а когда я пошла его искать — оказалось, что его нет. В буквальном смысле — нет дома. Сел в свою машину и уехал. Я вот к чему — ты это серьезно?

Мэгги кивнула:

— Как-нибудь на днях мы с тобой устроим поход по магазинам и заставим его заплатить за все. В буквальном смысле.

— Ну, иди спасай Майкла, — рассмеялась Алекса. — И ради всего святого, будь с ним полюбезней. Не знаю, какая кошка между вами пробежала. Вот уже почти год прошел с тех пор, как вы устроили то свидание вслепую. Или за это время случилось что-то еще, о чем ты мне не рассказала?

— Да нет, ничего, — пожала плечами Мэгги. — Я же говорила: думаю, что Майкл тайно влюблен в тебя. Только мне никто не верит.

— Ты опять о своем? — покачала головой Алекса. — Мэг, мы с Майклом просто друзья. Он все равно что член семьи. Поверь мне, даже Ник уже убедился, что между нами ничего такого нет. И никогда не было.

— Ну да, конечно.

Мэгги смотрела на подругу, которую любила, как собственную сестру. Алекса даже не понимала, насколько она прекрасна — и душой, и телом. Ник в конце концов завоевал ее сердце, и Мэгги ни за что не хотела, чтобы эти двое позабыли о том, как много они значат друг для друга. Они прошли трудный путь, но она не знала более счастливой семейной пары. Ее брат, подобно героям сказок, наконец обрел свое «долго и счастливо». Он не допустил,

чтобы их никудышное детство испортило его будущее, и Мэгги гордилась его достижением.

По крайней мере один человек из их семьи отыскал душевный покой.

— Приятного тебе аппетита, именинница, и ни о чем не беспокойся. — Мэгги обняла подругу. — Пойду спасать Майкла.

Она не спешила, втайне надеясь, что обнаружит Майкла, мирно попивающего виски и не обремененного младенцем. Мэгги поднялась по винтовой лестнице и, бесшумно ступая, двинулась по коридору. До слуха ее донесся тихий смех, а затем — негромкое пение. Она заглянула в детскую — и наконец увидела, что там происходит.

Майкл укачивал Лили, держа ее на руках. Он напевал колыбельную на итальянском языке, и Мэгги лишь сейчас сообразила, что это «Twinkle, Twinkle Little Star». Лили взирала на певца с неподдельным обожанием, счастливо воркуя в такт песне. Атмосфера детской — потолок, расписанный звездами и лунами, ярко-желтые, словно залитые солнцем стены — придавала этому зрелищу почти мистический оттенок.

Сердце Мэгги замерло. Безудержное желание захлестнуло ее с головой, и она опустила веки, отчаянно сопротивляясь этому напору. Майкл снял пиджак и аккуратно повесил его на спинке стула. Лили была переодета в платье с желтыми розочками, крохотные колготки и желтые, в тон платью, туфельки были избавлены от пятен слюны и блистали безупречной чистотой. Детскую наполнял аромат лаванды.

Мэгги судорожно сглотнула и стиснула кулаки.

Майкл поднял голову.

Взгляды их встретились. На долю секунды между ними словно проскочила обжигающая искра. Затем это ощущение бесследно исчезло, и Мэгги оставалось лишь гадать, не почудилось ли ей желание, вспыхнувшее в глазах Майкла.

— Что ты делаешь? — резко спросила она.

На этот обвиняющий тон Майкл лишь склонил голову к плечу:

— Пою.

Мэгги раздраженно вздохнула и ткнула пальцем в пеленальный столик:

— Я не это имела в виду! Ты сменил Лили подгузник? И почему она так одета?

Майкла явно позабавили ее вопросы.

— Ну разумеется, сменил, как ты и просила, сага. Платьице у нее тоже оказалось испачканным, так что я нашел другое. Почему у тебя такой удивленный вид?

— Я думала, тебя воспитали в дедовском духе: мужчина — главный в доме, он не готовит еду, не делает уборку и не меняет младенцам подгузники.

Майкл откинул голову назад и разразился хохотом. Лили оторопело моргнула и заворковала в ответ.

— Просто ты не знакома с моей мамой. Я рос с тремя младшими сестрами. Обязанность менять им подгузники возложили на меня, и ни о какой игре в «подержи ребеночка» не могло быть и речи. Один раз я попробовал проделать нечто подобное — и мне влетело по первое число.

— Вот как! — Мэгги прислонилась к белому комоду. — Твои родные остались в Италии?

— Да. «Ла долче фамилия» появилась на свет в Бергамо, там, где живет наша семья. Потом мы открыли филиал в Милане и не пожалели об этом. Я решил заняться освоением рынка в США, а моя сестра ведает делами фирмы на родине.

— А чем занимается твой папа?

Чеканные черты Майкла на миг исказила неприкрытая боль.

— Мой отец умер несколько лет назад.

— Прости, — негромко произнесла Мэгги. — Наверное, вы с ним были очень близки.

— Si^[3]. Я каждый день вспоминаю его. — Майкл с любопытством взглянул на нее. — А что скажешь о себе? Должно быть, тебе никогда в жизни не доводилось менять подгузники?

Мэгги улыбнулась, стараясь не замечать гнетущей пустоты в душе:

— Я легко отделалась. Ник старше меня, так что мне не довелось возиться с младшими братиками или сестричками. И вообще не приходилось даже пальцем шевельнуть, поскольку мы жили в большом доме, где были горничная, кухарка и нянька. Я росла крайне избалованной.

Воцарилось недолгое молчание. Мэгги неловко поежилась под испытующим взглядом Майкла. Он всматривался в нее так, словно выискивал нечто, непостижимое для нее самой.

— Нет, сага, — наконец сказал он. — Думаю, тебе пришлось тяжелее, чем большинству из нас.

Мэгги, раздраженная этой попыткой залезть к ней в душу, промолчала. Как будто Майкл и так уже подозревает, что ей есть что скрывать.

— Думай что хочешь, — нарочито небрежным тоном отозвалась она. — Главное — перестань звать меня «дорогой».

В ответ Майкл озорно подмигнул, окинув долгим взглядом ее туго обтянутую люрексом грудь. Словно размышлял о том, как бы задрать блузку и, наклонив голову, припасть губами к соскам. При мысли об этом груди Мэгги сладостно заныли в предвкушении ласки. И почему только Майкл ухитряется так ее заводить?

— Хорошо, *la mia tigrotta*^[4]. — Низкий мелодичный голос Майкла словно проникал под одежду, обволакивая нагое тело вкрадчиво мягким бархатом.

Мэгги мысленно ругнулась.

— Очень смешно, — процедила она.

— У меня и в мыслях не было тебя рассмешить. — Майкл изогнул бровь. — Ты с первой нашей встречи показалась мне похожей на тигрицу.

Мэгги решительно не желала вступать с ним в спор по такому нелепому поводу. Усилив воли сбросив чары, которые источал Майкл, она решительно направилась к двери:

— Незачем тут рассиживаться. Алекса уже искала Лили.

Майкл, бережно держа на руках малышку, двинулся следом — и тут же они наткнулись на мать Алексы.

— Мэгги, дорогая, я как раз тебя искала! — С этими словами Мария Маккензи расцеловала подругу дочери в обе щеки и взглянула на нее с теплотой, от которой у Мэгги неизменно замирало сердце. — А вот и моя красавица-внучка! Иди к бабушке, милая. — Мария приняла Лили на руки и расцеловалась уже с Майклом. — Мне сказали, что Лили нужно переодеть, но, похоже, вы на пару отменно с этим справились.

И почему только вся семья так цепляется за ошибочное убеждение, что они были бы идеальной парой? Мэгги подавила вздох, а Майкл рассмеялся:

— Знаете, миссис Маккензи, Мэгги просто виртуоз в уходе за своей племянницей. Мне только и оставалось, что сидеть и любоваться.

Мэгги охватили угрызения совести. Она улыбнулась, но исподтишка одарила Майкла неприязненным взглядом. И отчего это он вечно ухитряется выставить себя воплощенной добродетелью?

— В пятницу я устраиваю небольшой ужин и настоятельно желаю видеть там вас обоих! — объявила Мария.

На этих семейных ужинах обычно присутствовали только Мэгги и Алекса с Ником. У нее едва не подкосились ноги от облегчения, когда она вспомнила свой рабочий график.

— Мне очень жаль, миссис Маккензи, но на этой неделе я лечу в Милан. Улетаю через два дня на фотосъемки.

— Тогда я перенесу ужин и дождусь твоего возвращения. А теперь давайте-ка заберу малышку к гостям. Увидимся позже.

Мать Алексы скрылась в конце коридора, а Мэгги вдруг заметила, что на лице Майкла появилось странное выражение.

— Ты летишь в Милан? Надолго?

— Вероятно, на неделю, — пожала плечами она. — Задержусь там ненадолго, только чтобы завести новые деловые знакомства да побегать по магазинам.

— Хм...

Этот неопределенный звук отчего-то показался Мэгги зловещим. Майкл вглядывался в нее так, будто впервые увидел ее в новом свете: изучал лицо, затем скользнул взглядом по телу, словно что-то выискивал под модным нарядом.

— Эй, ты что на меня так уставился?

Мэгги неловко переступила с ноги на ногу, чувствуя, как внизу живота нарастает сладостный жар. Ну уж дудки! Если и есть в мире мужчина, с которым она нипочем не станет спать, так это Майкл Конте — даже если бы землю захватили зомби и он остался единственной мужской особью, пригодной для размножения.

— Возможно, у меня найдется, что тебе предложить, — пробормотал он.

Мэгги отогнала воспоминание об их первой встрече и старательно изобразила ухмылку:

— Извини, малыш, но этот поезд ушел. — И, ни разу не оглянувшись, ушла.

* * *

Потягивая коньяк, Майкл наблюдал за тем, как вечеринка мало-помалу подходит к концу. Гостям подали изумительные пирожные канноли с шоколадной крошкой и крепчайшим кофе, и в атмосфере непринужденного довольства, которая воцарилась в комнатах, друзья и родственники начали один за другим прощаться с хозяевами.

Приятное тепло алкоголя не могло совладать с тяжестью камня, который лежал на душе у Майкла. На сей раз он вляпался. Здорово вляпался.

После телефонных разговоров с Венецией и Домиником Майкл решил укротить мамино упрямство с помощью хорошо продуманной стратегии. Он понимал, что исполнение семейной традиции для него невыносимо. Сознал он также, что мама стойко привержена установленным правилам и крайне редко соглашается от них отойти. Майкл измыслил план, который ему самому казался блестящим. Он сообщит маме, что у него имеется постоянная подруга и что они в самом скором будущем намерены пожениться, и даже пообещает как-нибудь приехать вместе с ней в гости. Затем он уже без помех настоит на том, чтобы Венеция — ради нее и Доминика — вышла замуж первой, и заверит маму, что отец благословляет с небес этот брак. Чтобы усыпить мамины сомнения, можно будет даже сказать, что Майкл видел отцовское благословение во сне.

Вот только Джульетта, другая сестра Майкла, несколькими словами разнесла этот великолепный план вдребезги.

Ему снова припомнился их недавний разговор.

— Майкл, не знаю, что тебе наговорили, но, пользуясь одним из твоих любимых американских выражений, здесь вот-вот все пойдет вразнос. — Джульетта никогда не поддавалась эмоциям, не закатывала театральные сцены, но всегда поступала обдуманно. Именно потому она идеально подходила для управления делами «Ла долче фамилия». — Когда отец был уже на смертном одре, мама поклялась ему никогда не отходить от семейных традиций. К несчастью, это подразумевало и то, что ты должен жениться первым, как бы нелепо это сейчас ни звучало.

— Я уверен, что смогу ее переубедить, — заявил Майкл, отгоняя закопошившиеся в душе сомнения.

— Не выйдет. Я подозреваю, что Венеция замышляет сбежать из дома и тайно обвенчаться. Сказать, что это будет катастрофа, — значит не сказать ничего. Мы насмерть поссоримся с семьей Доминика, а мама уже грозила лишить Венецию наследства. У Карины сейчас нелегкий период, и она все время плачет при мысли, что семейный мир летит в тартарары. Мама вызвала доктора и сказала, что у нее сердечный приступ, но он установил несварение желудка в тяжелой форме и прописал ей постельный режим. Dios^[5], скажи, что у тебя есть кто-то на примете и что ты сможешь все уладить! Чертово патриархальное общество! Просто не верится, чтобы отец мог всерьез цепляться за такую чушь.

Беспощадная истина поразила Майкла точно громом. Против клятвы у смертного одра ему не выстоять. Собственный отец заманил его в западню, собственная мать захлопнула за ним дверь клетки. Если он хочет расхлебать эту кашу, ему нужна жена, причем немедленно. По крайней мере временная жена.

Что же делать? Разум Майкла заработал с убийственной мощностью, и наконец перед его мысленным взором ярко вспыхнуло единственно возможное решение. Дать маме удостовериться, что он женат, позаботиться о том, чтобы Венеция поскорей устроила собственную свадьбу, а через пару месяцев огласить печальную весть: его брак, дескать, оказался неудачным. С тем, что за этим последует, он как-нибудь разберется. Сейчас важно одно — предотвратить семейную трагедию. В конце концов, именно этим он всегда и занимался.

— В конце этой недели я женюсь, — вслух сказал Майкл. И услышал, как его сестра шумно втянула воздух сквозь стиснутые зубы. — Передай Венеции, чтобы воздержалась от поспешных решений. Позже я позвоню маме и сообщу эту новость.

— Ты не шутишь? Ты и в самом деле женишься или это надувательство?

Майкл закрыл глаза. Для того чтобы его план сработал, все должны поверить, что его брак не выдумка. И прежде всего надо убедить в этом Джульетту.

— Я уже некоторое время встречаюсь с одной женщиной и ждал только подходящего случая, чтобы оформить наши отношения. Она не любит шумихи и не хочет официальной свадьбы, так что мы, скорее всего, посетим мирового судью, а потом уж я поведаю всем о свершившемся факте.

— Майкл, ты говоришь правду? Слушай, положение, конечно, аховое, но тебе вовсе незачем торопиться с браком только ради того, чтобы успокоить Венецию. Ты не обязан вечно улаживать наши дела.

— Нет, обязан, — тихо произнес он. Тяжесть ответственности навалилась на его плечи,

едва не вышибая дух. Майкл без тени колебаний принял это бремя и продолжил: — Я сообщу тебе все подробности после того, как поговорю со своей невестой.

— Мама потребует, чтобы ты их познакомил. Она нипочем не поверит тебе на слово.

Реплика сестры стала окончательным щелчком замка, которым заперли клетку.

— Знаю. Я привезу ее погостить где-нибудь к концу лета.

— Правда? Кто она такая? Как ее зовут?

— Мне пора. Перезвоню тебе позже. — С этими словами Майкл прервал разговор.

Выбор у него был невелик, а уж времени не оставалось и вовсе. Надо будет подыскать элитное эскорт-агентство — из тех, что предоставляют наемных спутников для светских мероприятий. Возможно, ему повезет найти там девушку, которая согласится изображать его жену. Придется, конечно же, немало поломать голову, чтобы оттянуть знакомство «жены» с его мамой... а если учесть, что в скором времени состоится открытие реконструированного прибрежного участка, то как бы Майклу к концу недели не заработать язву.

Разве что...

Взгляд Майкла, без труда пронизав толпу гостей, скрестился со взглядом зеленых кошачьих глаз. Тело помимо воли отозвалось на этот безмолвный поединок вспышкой желания. Мэгги выгнула точеную бровь и, пренебрежительно тряхнув головой, повернулась к нему спиной. Майкл подавил смешок. Поистине, эта женщина — колкая смесь сексуальности и сарказма. Если в глубине ее души и таится нежная роза, то ее окружает барьер колючих шипов, способный отпугнуть любого принца на белом коне.

Мэгги Райан идеально подходит для его замысла.

Что, если он попал в яблочко — или как там говорят американцы? — и одним махом нашел единственно верное решение? Где еще ему найти знакомую женщину, которая собирается на неделю лететь в Милан? Мэгги Майкл доверял. По крайней мере чуть-чуть. Если она согласится, можно будет по-быстрому устроить ее встречу с родней, потом уехать пораньше, сославшись на занятость, и устроить так, чтобы Венеция смогла уже этим летом выйти замуж. Неприязнь, которую питает к нему Мэгги, в данном случае только плюс — во всяком случае, пока она будет изображать перед родными Майкла его жену, у нее не возникнет никаких нелепых романтических фантазий. Мама, конечно, будет не слишком довольна его выбором. Она, скорее всего, ожидала, что Майкл найдет себе более патриархальную, безобидную супругу... И однако же он был уверен, что добьется своего.

Если только Мэгги согласится.

Майкл встречался со многими женщинами, но именно Мэгги обладала тем загадочным свойством, которое поражает мужчину, как удар под дых. Ее блестящие рыжеватокаштановые волосы шелковистым крылом накрывали щеку и, подстриженные по последней моде, касались плеча. Челка выразительно подчеркивала экзотические раскосые глаза, напоминавшие Майклу бескрайнюю зыбкую зелень тосканских полей — зелень, которая поглотит мужчину с головой и бросит его, беспомощного, блуждать в тумане. Черты лица ее были резки и чеканны — сильный заостренный подбородок, высокие скулы и изящный нос. Эластичная ткань блузки плотно облегла красиво очерченные плечи и высокую, дерзко приподнятую грудь. Серебристо-серый шелк ее брюк мерцал и переливался при каждом шаге, выгодно подчеркивая идеально круглую попку и длинные ноги, при виде которых всякий мужчина неизбежно представлял, как они обвиваются вокруг его талии. Запах ее духов, в котором смешивались густые пряные оттенки сандала и амбры, вкрадчиво завладевал мужским обонянием и сулил все прелести земного рая.

Мэгги никак нельзя было назвать робкой скромницей. Скорей она держалась агрессивно. Каждый ее шаг, каждый вздох, каждое слово источали сексуальность, и всякий мужчина, оказавшийся рядом с ней, не мог не учуять этого аромата. Майкл наблюдал за тем, как Мэгги откинула голову и расхохоталась. Лицо ее светилось неприкрытым счастьем — такое выражение Майкл замечал у нее редко, лишь в присутствии Алексы или Ника. Даже на их первом свидании она укрывала за незримой, но прочной стеной подлинные чувства, о которых так ясно говорили ее острый ум, ореол сексуальной притягательности и отрешенный взгляд.

Мэгги была именно такова, какой хотела быть, и не искала этому оправданий. Подобные женщины неизменно восхищали Майкла, и он высоко ценил их, поскольку они были наперечет. И все-таки что-то в Мэгги подталкивало его присмотреться ближе и копнуть глубже. Застарелая боль и неутоленная жажда потаенно мерцали в глубине этих зеленых глаз, подзадоривая мужчину сразиться с драконом и завоевать руку и сердце принцессы.

Майкл вздрогнул, застигнутый врасплох этой мыслью. Он тут же высмеял этот нелепый образ, но туго натянувшиеся на бедрах джинсы все так же безжалостно выдавали его возбуждение. Боже милостивый, только этого ему и не хватало: переиначенной на современный лад фантазии о принцессе, которую надо спасти. Принца на белом коне из него не выйдет, да ему эта должность и даром не нужна. Особенно ради женщины, которая, скорей всего, украдала бы его коня и спаслась бы самостоятельно.

И тем не менее сейчас Мэгги ему нужна. Остается лишь убедить ее принять участие в этой аванюре.

— Хотела бы я знать, на что ты смотришь с таким выражением лица. Или, вернее сказать, на кого.

Майкл, сидевший на стуле, поднял голову — и встретился со взглядом смеющихся голубых глаз. Как всегда, от улыбки Алексы у него потеплело на душе, и он, поднявшись, легко, по-дружески обнял ее.

— Buon giorno, signora bella^[6]. Как тебе вечеринка?

Кудрявые волосы Алексы, стянутые в конский хвост, выбились из прически и непокорными завитками падали на лицо. Вся она излучала довольство.

— Потрясающе! Я говорила Нику, что не хочу никаких гостей, но ты же знаешь, какой он упрямый.

— Именно потому он так хорошо справляется со своей работой.

Алекса выразительно закатила глаза:

— О да, в делах его упрямство только на пользу, зато дома он сущее наказание. — И добавила, проказливо усмехнувшись: — Иногда.

— Как это вы, американцы, любите говорить? «Мне этого лучше не знать»? — рассмеялся Майкл. Алекса мило покраснела, и он шаловливо дернул ее за локон. — Извини, не удержался. У меня есть для тебя подарок.

— Майкл, пирожных было более чем достаточно, — нахмурилась она. — Они такие вкусные, что я чуть не лопнула от обжорства.

— Это совсем небольшой подарок. В прошедшем году ты сделала для меня очень много, и мне нравится смотреть, как ты радуешься. — Майкл извлек из кармана пиджака крохотную коробочку. — Открой.

Алекса вздохнула, явно разрываясь между любопытством и скромностью. Наконец любопытство победило, и она открыла подарок. Внутри на мягкой подушечке лежал

простенький амулет в виде детского башмачка, украшенный сверкающим изумрудом. Алекса ахнула, и выражение ее лица доставило Майклу истинное наслаждение.

— Камень соответствует месяцу рождения Лили, — пояснил он. — Ник рассказал, что купил тебе новую золотую цепочку, так что эта безделушка будет для нее в самый раз. Тебе нравится?

Алекса прикусила нижнюю губу, и глаза ее влажно блеснули.

— Очень, — сказала она внезапно охрипшим голосом. Подавшись вперед, она поцеловала Майкла в щеку, и он в ответ сжал ее руку. — Просто прелесть. Спасибо.

— Prego, cara^[7].

Волна обожания и тепла накрыла Майкла с головой. Едва познакомившись с Алексой на деловом ужине, он сразу понял, что она исключительная женщина. К счастью, после того, как он узнал, что Алекса замужем, между ними не возникало и намека на сексуальное влечение. Сердце Алексы всецело принадлежало Нику. Тем не менее Майкл был убежден, что они с Алексой родственные души, то есть созданы для того, чтобы стать добрыми друзьями, но ни в коем случае не любовниками. Ник вначале относился к их дружбе крайне неодобрительно, но даже он со временем стал Майклу другом, а заодно и деловым партнером. С тех пор как родилась Лили, Майкл наслаждался статусом почетного дядюшки, что помогало ему выдерживать приступы ностальгии.

Мэгги, однако, все это крайне не нравилось.

Сейчас она внезапно возникла рядом с ними, словно нюхом чужая всякий раз, когда Алекса окажется в опасной близости от Майкла. И тут же метнула на него убийственный взгляд.

— Подарки, Эл? — осведомилась она. — Как мило.

От ее голоса веяло таким арктическим холодом, что Майкл зябко поежился. Его всегда восхищало то, как ревностно и преданно Мэгги оберегает Алексу. И как только женщина, способная так глубоко и страстно любить, до сих пор остается в одиночестве? Хотя... может быть, у нее имеется постоянный любовник, которого она тщательно скрывает? Не было ни одного случая, чтобы на каком-нибудь официальном мероприятии Мэгги появилась в обществе мужчины. Сколько Майкл ни всматривался в нее, он не обнаружил никаких признаков расслабленности или довольства. Мэгги, как всегда, излучала сдержанную энергичность, но не более того.

Он вернулся мыслями в тот день — почти год назад, — когда они впервые встретились. Алекса уговорила его пойти на свидание с Мэгги, ссылаясь на загадочное женское чутье, которое подсказывало ей, что они идеально подойдут друг другу. С первой минуты, едва взгляды их встретились, Майкл понял, что с сексуальным влечением у них проблем не будет. Мэгги, казалось, была не меньше его ошеломлена тем, как их тотчас потянуло друг к другу, но ловко маскировала свое ошеломление, покуда Майкл не понял, что в ней борются противоречивые чувства, как в тигрице, которая вдруг оказалась неспособна грозно зарычать. Возбуждающе колкий обмен репликами лишь усилил желание, охватившее Майкла, однако он понимал, что Мэгги никогда не будет для него «приключением на одну ночь», как бы усердно она ни старалась изобразить, что только на такой исход они и могут рассчитывать.

На краткий миг Майклу отчаянно захотелось стать именно тем мужчиной, который не отступит перед этими ограничениями и предложит ей больше, нежели мимолетный секс... но дружба с Алексой и опасение, что один неверный шаг может привести к полному разрыву,

помешали ему решиться на новую встречу с Мэгги. Он искал для себя женщину, которая без проблем войдет в дружную семью Конте и не станет чуждаться его родных. Мэгги была полной противоположностью всему, что, по мнению Майкла, он стремился найти в будущей супруге. Да, скучной ее не назовешь... но она сплошной клубок противоречий, эмоций и честолюбивых устремлений. Если они рассорятся, от этого пострадают Алекса и Ник, а поскольку Майкл относился к ним как к членам своей семьи, то ни за что не свете не поставил бы под угрозу благополучие тех, кто ему дорог. Тем более ради собственных эгоистичных желаний.

Именно так Майкл поступал почти всю сознательную жизнь.

И все же он ухитрился все испортить. Когда Мэгги почти застенчиво предположила, что они могли бы встретиться снова, он испытал такой страх, какого никогда не пробуждала в нем женщина.

Майкла поразило, каким по-детски беззащитным сделалось лицо Мэгги, когда она услышала его отказ. Впрочем, Мэгги Райан никогда уже не даст ему возможности исправить свой промах. Никогда больше она не позволит себе оказаться в подобном положении... и ей доставляет безмерное удовольствие постоянно напоминать ему об этом.

Алекса подняла выше ладонь, на которой покоился амулет.

— Вот, смотри! Правда же, красивый?

— Угу, миленький.

Майкл подавил смешок, перехватив предостерегающий взгляд Алексы. Мэгги, надувшись, как ребенок, отступила на шаг.

— Солнышко, мне пора, — сказала она. — Скоро лететь в Милан, а у меня еще гора дел.

— Боже, — завистливо вздохнула Алекса, — на что я бы только не пошла, чтобы отправиться в Милан и обзавестись новым гардеробом! — Она окинула взглядом свое модное платье и критически поморщилась.

— Лили стоила несколько лишних фунтов веса, — твердо сказала Мэгги. — Я привезу тебе пару туфель на сексапильных шпильках. Будешь в них сводить Ника с ума. — Говоря это, она в упор взглянула на Майкла, словно искала в его лице подтверждения своим догадкам. — Впрочем, ты его и так заводишь с пол-оборота, судя по вашей ненасытности.

— О какой ненасытности речь? — осведомился Ник, появляясь рядом с ними, и тут же обвил руками бедра своей жены.

— Не важно, — резко бросила Алекса.

— О сексуальной, — пояснила Мэгги. — Я лечу в Милан и собираюсь привезти Алексе какие-нибудь сексуальные туфли.

Ник принял заинтересованный вид:

— Может, заодно прихватишь для нее шелковую ночную рубашечку?

— Ник!

Брат Мэгги ухмыльнулся, пропустив мимо ушей смущенное шипение супруги.

— Да ладно тебе! Мэгги отправляется в столицу моды, а ты не хочешь, чтобы она привезла тебе классного белья? Ну так я этого хочу. Ты в нем выглядишь так... аппетитно.

— Решено! — расхохоталась Мэгги. — В красном шелке она будет просто неотразима.

— Я вас ненавижу!

Ник запечатлел поцелуй на шее Алексы. Майкл на мгновение повернул голову — и успел заметить выражение, мелькнувшее на лице Мэгги.

Зависть.

У него перехватило дыхание от того, с какой тоскливой завистью Мэгги смотрела на своего брата. Это длилось лишь долю секунды, а затем створки раковины, в которой она прятала себя, с едва слышным стуком захлопнулись.

Майкл расправил плечи, набравшись решимости действовать.

— Мэгги, — сказал он, — можно тебя на минутку, прежде чем уйдешь?

— Да, конечно, — пожалала она плечами. — В чем дело?

— Если ты не против, с глазу на глаз.

Алекса и Ник переглянулись. Мэгги, заметив это, выразительно закатила глаза:

— Господи, да не парьтесь! Вряд ли он собирается предложить мне руку и сердце.

Майкл невольно вздрогнул. Ник укоризненно покачал головой, но Мэгги лишь показала ему язык и повела Майкла по коридору к одной из спален. Войдя, она сразу забралась на высокую кровать с цоколем и вытянула перед собой ноги. При этом она оперлась на отведенные назад руки, и оттого ее грудь так туго натянула серебристую ткань блузки, словно умоляла освободить ее из этого плена. Господи, да носит ли она вообще бюстгальтер?

Стараясь сохранить непринужденный вид, Майкл облокотился о перекладину увенчанной балдахином кровати. Его любопытство оказалось вполне удовлетворено, когда тонкая ткань на груди Мэгги обрисовала пару острых и твердых бугорков. В поисках удобной позы Майкл переступил с ноги на ногу, мысленно досадуя на то, что Мэгги не выбрала для разговора более официальную обстановку. Слишком уж легко было вообразить, как она, раскинувшись, лежит на этом кремовом одеяле, а он, прихватив зубами край блузки, тянет ее вверх, чтобы обнажить грудь. Майкл мог бы поклясться, что соски у нее рубиново-алые и чрезвычайно чувствительные. Как будто они возбуждались уже оттого, что терлись о люрексковую ткань. Майкл подавил дрожь и стиснул зубы, стараясь взять себя в руки.

— Я хочу тебе кое-что предложить.

Мэгги откинула голову и расхохоталась. Смех этот завораживал и манил, словно заклинание ведьмы.

— Что ж, в таком случае ты обратился по адресу. — Она нарочито медленно облизала губы, и они влажно блеснули в свете лампы. — Выкладывай свое предложение.

Майкл проглотил проклятие и решил, что нет смысла ходить вокруг да около.

— Мне нужна поддельная жена.

У Мэгги округлились глаза.

— Поддельная?!

— Sì. — Злясь на то, что эти нелепые слова вогнали его в краску, Майкл напористо продолжил: — Я столкнулся с кое-какими семейными осложнениями, и так вышло, что мне требуется жениться. Мне нужна женщина, которая на неделю отправится со мной в Италию, сыграет роль моей жены, пробудет какое-то время с моей родней, а потом уедет.

— Ого, похоже, я угодила в еженедельный сериал «Лайфтайм»? ^[8]

— Что такое «Лайфтайм»?

— Забудь, это только для девочек, — отмахнулась от его вопроса Мэгги. — погоди, дай-ка подумать. Тебе нужно, чтобы я изобразила твою жену, пообщалась с твоей famiglia, пожила в доме твоих родных, а потом вернулась в Штаты как ни в чем не бывало?

— Именно так.

— Нет, спасибо.

Мэгги грациозно соскочила с кровати и направилась к выходу. Майкл быстро заступил ей дорогу и пинком захлопнул дверь.

Мэгги выразительно вскинула брови:

— Извини, но замашки мачо на меня не действуют.

— Ради бога, Мэгги, выслушай меня.

— Ну уж дудки! Хватит с меня и того, что я уже слышала. Во-первых, я еду в Милан работать, а не изображать невесту на заказ. Во-вторых, мы с тобой никаких нежных чувств друг к другу не питаем, и твои родные моментально нас раскусят. В-третьих, мы даже не близкие друзья, что избавляет меня от обязанности оказывать тебе одолжение. Наверняка же у тебя имеется юная красотка, которая согласится душу продать, только бы блеснуть в роли твоей жены?

Майкл сдержал стон. Неужели он и впрямь полагал, что это будет легко?

— На самом деле именно потому для этой роли идеально подойдешь ты. Мне нужна женщина, которой не придут в голову какие-нибудь романтические бредни. Да и в любом случае у меня сейчас никого нет.

— А если у меня есть?

— Это правда?

Мэгги отступила на шаг. Искушение солгать на миг промелькнуло в ее глазах, но тут же исчезло.

— Нет, — призналась она нехотя, — но я все равно не соглашусь.

— Я тебе заплачу.

— Мне не нужны твои деньги, Граф, — пренебрежительно фыркнула Мэгги. — Я и сама способна заработать себе на жизнь.

— Но ведь наверняка есть что-то, о чем мы могли бы поторговаться. То, чего ты хочешь.

— Извини, но у меня есть все, чего я хочу. Впрочем, спасибо за предложение. — С этими словами Мэгги потянулась к дверной ручке.

Другой кандидатуры у Майкла не было, и он сильно сомневался, что в Америке имеется магазин по продаже фальшивых невест. Оставалось только одно. Конечно, у него ничего не выйдет, да и Ник на такое в жизни не согласится... но если только Мэгги поверит, что это возможно, она сама упадет ему в руки, точно спелое яблоко. Майкл заглушил голос совести и пустил в ход свою козырную карту:

— Что ж, тогда мне, видимо, придется попросить Алексу.

Мэгги застыла как вкопанная. Волосы ее взметнулись и плавно опустились на место, когда она резко повернула голову и впилась в него взглядом, точно боксер на ринге.

— Что ты сказал?

Майкл вздохнул с притворным сожалением:

— Мне не хотелось бы вынуждать Алексу так рано покидать Лили, однако я уверен, что она не откажется мне помочь.

Всем своим существом Мэгги источала неприкрытое бешенство.

— И думать об этом не смей! — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Оставь в покое Алексу и Ника. Решай свои дурацкие проблемы сам.

— Именно это я и пытаюсь сделать.

Мэгги приподнялась на цыпочки и оказалась лицом к лицу с Майклом. Губы его обожгло теплом ее дыхания — головокружительное сочетание кофе, коньяка и возбуждения.

— Богом клянусь, если ты посмеешь хотя бы словом заикнуться им об этой безумной идее, я...

— И что ты сделаешь? Когда Ник услышит, как обстоят дела, он меня поймет. Алексе

всегда хотелось съездить в Италию, к тому же поездка займет всего несколько дней. Обычное дело, когда речь идет о семье.

— Ты им не семья! — Неистовый выдох Мэгги хлестнул Майкла по лицу, словно порыв ветра. В голосе ее звенела ненависть. — Прекрати лезть в их личную жизнь и займись собственной!

— Как ты сердишься, *la mia tigrotta!* — поцокал языком Майкл. — Неужели ревнуешь?

Мэгги вдруг схватила его за плечи. Ногти ее впились сквозь ткань рубашки в кожу Майкла, но эта боль лишь усилила накал вибрирующего между ними притяжения.

— Нет, меня бесит то, как ты вертишься вокруг Алексы, точно бездомный щенок, а мой собственный брат этого даже не замечает! Что бы я ни отдала, только бы избавиться от тебя! Что бы я ни сделала... — Мэгги осеклась на полуслове и закрыла рот.

Очень медленно она убрала руки с плеч Майкла и отступила на шаг. Помимо воли его плоть охватило острое сожаление об утраченной близости ее тепла. Майкл с трепетом наблюдал за тем, как глаза Мэгги заблестели ярче. Отчего-то он подозревал, что этот блеск не сулит ему ничего хорошего, а выражение лица Мэгги внушало ему смутные опасения.

— Если я соглашусь на этот безумный план, ты дашь мне все, чего я ни захочу?

От такой резкой смены курса Майкл едва удержался на ногах.

— Да.

Губы Мэгги изогнулись в улыбке — алые, безупречно очерченные. Майкл беспомощно смотрел на этот чувственный рот, созданный для наслаждений, которые он был бессилен вообразить и в самых смелых фантазиях. *Dios*, он так возбудился, что не в состоянии поддерживать связный разговор! Майкл вспо мнил католических монахинь, которых привык видеть с детства, и отчасти сумел усмирить разгорячившуюся кровь.

— Хорошо, я согласна.

Он не спешил ликовать, но лишь воззрился на нее с подозрением:

— Чего ты хочешь взамен?

Торжество, сверкнувшее в глазах Мэгги, предварило ее ответ.

— Я хочу, чтобы ты держался подальше от Алексы.

Майкл вздрогнул. Его хитроумный ход каким-то образом обернулся против него самого. Мысленно он выругал себя за то, что подставился под эту коварную контраатаку. Упорная убежденность Мэгги в том, что Майкл тайно влюблен в Алексу, всегда забавляла его, но теперь ситуация выглядела далеко не забавно. Он решил притвориться, будто неверно истолковал ее требование.

— Хорошо, — согласился он вслух. — Если ты так хочешь, я к ней близко не подойду.

Глаза Мэгги опасно сузились.

— Граф, ты не понял сути моего требования. Если Алекса пригласит тебя на воскресный обед — ты будешь занят. Ты больше не будешь навещать Лили. Не будешь появляться на семейных приемах. Можешь сколько угодно общаться с Ником по деловым вопросам, но близким другом Алексы ты отныне не будешь. *Carisce?*^[9]

О да, конечно. Майкл прекрасно все понял. Его раздражение усилилось оттого, что Мэгги не в состоянии была обращаться к нему по имени. Его аристократический титул в ее устах звучал откровенной насмешкой, и он вдруг ощутил настоятельную потребность силой вынудить Мэгги назвать его именем, данным при рождении. Лучше всего, если бы при этом она лежала на спине, раздвинув бедра, и изнывала от желания отдаться ему. Майкл сделал непроницаемое лицо и молился лишь о том, чтобы Мэгги не заметила его натянувшиеся

джинсы.

— Чего ты так опасаясь, сага? Что, по-твоему, может произойти между мной и Алексой?

Мэгги воинственно вздернула подбородок.

— Мне доводилось видеть, как легко разрушается хорошее, — сказала она, и в голосе ее прозвучала горечь. — Алекса и Ник счастливы. Ей ни к чему, чтобы за ней по пятам шнырял кто-то третий. Они, может, и доверяют тебе, но я — нет. — Мэгги сделала паузу и добавила хриплым шепотом: — Я же вижу, как ты на нее смотришь.

Майкл задохнулся, словно откровенность Мэгги ударила его под дых. Она и впрямь считает его способным на такую низость? Как это обидно — воображать, будто он стремится разрушить чужой брак, предать чье-то доверие. И все же, как бы Майкл ни злился, как бы глубоко ни уязвили его домыслы Мэгги, он восхищался ее напористой решимостью. Если кто-то ей по-настоящему дорог, она всегда будет предана ему. Быть может, именно поэтому она и чуждается постоянных отношений?

— Мне осточертело, что все считают, будто я свихнулась! — продолжала Мэгги, дрожа всем телом от переполнявших ее эмоций. — Хоть один раз, хотя бы сейчас признайся, что ты любишь Алексу. Скажи мне правду, дай слово оставить ее в покое — и я соглашусь изображать твою жену.

Майкл вглядывался в нее, храня угрюмое молчание. Спорить было бессмысленно. Алекса напоминала ему сестер, оставшихся в Италии, утоляла потребность в утешении, посещавшую Майкла, когда ему становилось одиноко. Она обладала импульсивностью Венеции, надежностью Джульетты и добротой Карины. Очевидно, нежность, которая отражалась на лице Майкла всякий раз, когда он смотрел на Алексу, и была неверно истолкована ее лучшей подругой.

Впрочем, может, оно и к лучшему.

Его и так уже неудержимо влекли обольстительное тело и острый ум Мэгги. Не хватало еще, чтобы в итоге они оказались в одной постели и... перешли пределы допустимого. По крайней мере когда они будут изображать перед его родней супружескую пару. Если Мэгги останется убеждена, что Майкл влюблен в ее лучшую подругу, эта убежденность станет дополнительной преградой, охраняющей их от опрометчивых действий. Конечно, Майклу придется пойти на куда бо льшие жертвы, нежели он предполагал. Он лишится дружбы с Алексой, которая ему чрезвычайно дорога, и разрыв этот, вполне вероятно, даже причинит ей боль.

Пора делать выбор. Майкл представил себе, что не сможет больше держать на руках Лили, никогда не услышит, как она назовет его дядей... а потом подумал о Венеции, о ее страданиях и горе, о ее страстном желании зажечь собственной жизнью. Его долг — сделать все, чтобы родные и близкие были счастливы. Майкл выучил этот урок с юных лет и не намерен был когда-либо о нем забывать. В известном смысле у него и выбора-то нет.

И Майкл вынудил себя произнести ложь, которую так нужно было услышать Мэгги:

— Я люблю Алексу как друга, но... соглашусь на твои условия, если ты согласишься выполнить мою просьбу.

Мэгги передернуло, но она не отвела взгляда и лишь коротко кивнула, подтверждая свое согласие. Странная боль мелькнула на долю секунды в ее глазах, но тут же исчезла. Чутье подсказывало Майклу, что когда-то ей довелось пережить непоправимое предательство. Кто же ее предал — старинный любовник, бывший жених? Охваченный любопытством, Майкл

изнывал от желания копнуть поглубже... но Мэгги уже обрела обычное самообладание.

— Отлично. Поклянись, что, когда мы вернемся, ты станешь держаться подальше от Алексы. И никаких исключений.

— Как, по-твоему, я смогу исчезнуть из ее жизни и при этом ее не обидеть?

Мэгги пожала плечами:

— Мы пробудем в Италии неделю, а по возвращении ты будешь занят. Притворишься, будто у тебя новая пассия и ты всецело ею увлечен. Через некоторое время Алекса перестанет недоумевать, куда ты исчез.

На этот счет Майкл сомневался, но предполагал, что уж об этом Мэгги позаботится сама. На миг его пронзила острая боль утраты, а затем он твердо проговорил:

— Я принимаю твои условия. — И добавил, шагнув к Мэгги: — А теперь — выслушай мои.

Он испытал удовольствие, заметив, как ее глаза едва заметно расширились, когда он навис над ней. Близость Майкла явно выводила ее из равновесия. И все же она не дрогнула, не отступила.

— погоди! Откуда мне знать, что ты не нарушишь своего слова?

Майкл протянул руку и крепко ухватил ее пальцами за подбородок. Вопрос Мэгги уязвил самую суть его личности, и потому в ответе Майкла прозвучал леденящий холод.

— Потому что я всегда выполняю то, что обещал. Capisce?

— Да, — кивнула Мэгги.

Майкл отпустил ее, но прежде, не удержавшись, украдкой провел пальцем по ее щеке. Нежная, шелковистая на ощупь кожа дразнила и искушала не прерывать ласку. Майкл неловко кашлянул и продолжил:

— Правила просты. Сегодня вечером я позвоню своей маме и сообщу о нас, но эта история все равно вызовет подозрения, если только я не буду заранее готов их отместить. Мне нужно будет согласиться на заключение брака в Италии.

— Что?! Ну уж дудки! Я не собираюсь по-настоящему выходить за тебя замуж!

Майкл взмахом руки отмел ее возмущение:

— Разумеется, никакого брака мы заключать не станем. Нам нужно будет притвориться, только и всего. Мама очень проницательна и станет подозревать неладное, пока мы не изъясним готовности произнести свои брачные клятвы перед ней и священником. Я скажу ей, что мы сочетались законным браком в Штатах, но хотим получить лицензию на брак в Италии, чтобы она могла принять участие во втором бракосочетании.

— А что будет, если священник скажет, что готов сразу нас обвенчать?

Губы Майкла подозрительно дрогнули от прозвучавшей в этом вопросе паники.

— Священник, как правило, далеко не сразу соглашается венчать пару, если невеста ему незнакома и в особенности если она не католичка. За время нашего визита этого точно не произойдет. Я скажу маме, что мы пробудем в Италии две недели, но уедем мы через неделю, сославшись на срочные дела.

Мэгги вздохнула с облегчением и снова стала собой — язвительной и уверенной в своих силах.

— Ты так и не объяснил, почему тебе внезапно понадобилась жена. Что, Ромео, не можешь найти свою Джульетту?

Майкл вкратце изложил историю своей семьи и рассказал о сестре, мечтающей выйти замуж. Он приготовился к тому, что Мэгги станет насмеяться над таким старомодным

укладом, но она лишь кивнула, как будто все поняла, и тем самым ухитрилась свергнуть его в растерянность.

— Восхищаюсь твоей мамой, — наконец сказала она. — Нелегко придерживаться своих взглядов, когда другие над тобой потешаются. По крайней мере у вашей семьи имеются собственные убеждения. Вы верите в традиции, в исполнение обещаний, в ответственность. — Завороженный этой речью, Майкл следил за тем, как по лицу ее пробежала тень... но Мэгги тут же отогнала непрошенные воспоминания. — Надеюсь только, что твой план сработает именно так, как ты задумал.

— Что ты имеешь в виду?

Она выразительно пожала изящно очерченными плечами:

— Возможно, я придусь не по нраву твоим родным. Я зарабатываю на жизнь тем, что фотографирую манекенщиков в нижнем белье. И к тому же не собираюсь перед тобой пресмыкаться, так что можешь сразу оставить бесплодные надежды.

— Разве я не говорил, что жене полагается безоговорочно подчиняться мужу? — ухмыльнулся Майкл. — Часть нашего уговора состоит в том, что ты будешь обхаживать меня, как особу королевской крови. Готовить мне ужин, всячески меня ублажать и безоговорочно подчиняться моим желаниям. Не беспокойся — это всего лишь на неделю.

Неприкрытый ужас, отразившийся на лице Мэгги, испортил ему весь розыгрыш. Он рассмеялся — и она тут же опустила руку, уже сжатую в кулак. Интересно, в постели она так же легко входит в раж? И если да — что остается наутро от ее партнера, кроме бессмысленной ухмылки и страстной мечты о продолжении?

— Очень смешно, Граф, — скривила губы Мэгги. — Приятно знать, что у тебя есть чувство юмора. Легче будет пережить эту неделю.

— Рад, что тебе понравилось. Я займусь приготовлениями, а завтра вечером — вылетаем. В пути я расскажу тебе о своих родных, а ты вкратце опишешь своих.

Мэгги кивнула и направилась к двери. То, что рядом с ним она явно испытывала неловкость, успокоило Майкла. По крайней мере он не единственный, кого бросает в жар, когда они оказываются рядом. Мэгги, судя по всему, твердо решила не поддаваться влечению, а стало быть, тем легче будет ему не заводиться от каждого прикосновения и благополучно пережить предстоящую неделю.

Пускай Мэгги Райан и ходячая бомба, но уж семь дней он как-нибудь продержится.

Это не проблема.

Мэгги покосилась на своего поддельного мужа и стиснула зубы, стараясь не удариться в панику.

Прерывистое дыхание, учащенный стук сердца — знакомые признаки, предвещающие недоброе. Мэгги судорожно сглотнула и, спрятав лицо за номером журнала «Вог» на итальянском языке, мысленно взмолилась о том, чтобы ей удалось держать себя в руках. Невыносима была сама мысль, что об этой ее слабости узнает кто-то из окружающих и особенно Майкл. Едва его личный самолет поднялся в воздух, осознание того, какое безумство они задумали, обрушилось на Мэгги всей своей тяжестью. Палец ее стягивало изящное колечко из платинистого золота^[10], и круглый двухкаратовый бриллиант искрился на солнце, словно прозрачная ледышка. Тогда, в доме Алексы, замысел Майкла казался ей исполнимым... но сейчас, день спустя, обретя поддельного мужа, обручальное кольцо и родню, которую предстоит одурачить, Мэгги поняла, что она круглая дура.

Какого дьявола она на все это согласилась?

И какой дьявол вечно толкает их, Райанов, впутываться в фальшивые браки? Мэгги чуть не лопнула от смеха, когда Ник сообщил ей, что ему необходимо жениться, чтобы унаследовать принадлежавшую их дяде фирму «Дримскейп энтерпрайзиз». Слава богу, идея свести его с Алексой оказалась блестящей, особенно когда они влюбились друг в друга и поддельное супружество стало настоящим.

Конечно, Алекса согласилась на договорный брак с братом Мэгги только ради того, чтобы спасти своих родных. У самой Мэгги столь высоконравственных побуждений не было — ей не нужно спасать ни семейный бизнес, ни дом, в котором она родилась и выросла. «Зато, — беззвучно подсказал ей внутренний голос, — у тебя есть шанс защитить своих близких». Алекса и Ник по-настоящему любят друг друга. Майкл был и остается угрозой их счастью: его чувственная усмешка, мелодичный голос и зазывный взгляд, притворяясь безобидными, буквально преследовали лучшую подругу Мэгги. И подозрения Мэгги в конце концов подтвердились.

Майкл признался, что любит Алексу.

Когда слова признания слетели с его губ, сердце Мэгги пронзила странная боль. Чувство было, конечно, нелепое, и она поспешила загнать его поглубже. Да, конечно, Майкл добавил к своему признанию «как друга», но только лишь для того, чтобы сбить ее со следа. Такой богатый и влиятельный человек ничем не удовлетворился бы долгим выжиданием на втором плане, особенно если считал, что у него есть шанс добиться успеха у женщины, которую он любит. И Мэгги не знала бы покоя до конца своих дней, если бы не ухватила за подходящий способ отвадить Майкла от своих близких.

Да, но какой ценой? Свести знакомство с матерью и сестрами Майкла. Спать в его спальне. Изображать то, чего на самом деле нет?

Пальцы Мэгги сильнее стиснули глянцевые страницы журнала. Вдох носом — выдох ртом, вдох — выдох... Психотерапевт, к которому она загнала себя едва ли не силой, предписал ей йогу и упражнения, снимающие стресс. Мэгги категорически не желала, чтобы ее пичкали лекарствами и донимали чрезмерными заботами. Начав обратный отсчет от ста, она усилием воли сдержала нестерпимое желание вдохнуть полной грудью и наконец взяла себя в руки. Мысленно представила себе, как замедляется ее сердцебиение — и продолжила

размеренно дышать.

Девяносто восемь.

Девяносто семь.

Девяносто шесть.

Девяносто пять.

— Готовишься к фотосъемкам?

Мэгги переждала еще несколько ударов сердца и, убедившись, что держит себя в руках, подняла глаза. Майкл откинулся в кресле, закинув ногу на ногу, на лице его играла расслабленная улыбка. Занятно, но она всегда питала слабость к длинноволосым мужчинам, с удовольствием воображая себе облик современного пирата. Мускулистый торс Майкла облегал черная спортивная куртка, сочетавшаяся с джинсами и черными туфлями. Озорно блестя глазами, он указал жестом на модный журнал, который держала в руках Мэгги.

Вспышка раздражения побудила ее склонить голову к плечу и, на южный манер растягивая слова, проворковать:

— Извини, дорогой, я могу только посмотреть картинки. От такого количества букв меня бросает в дрожь.

Ее всегда раздражало, когда кто-то с ходу заключал, что она не способна одолеть ничего серьезнее модного журнала. Мэгги, само собой, ничего не делала, чтобы убедить окружающих в обратном. Она не щеголяла высшим образованием и карьеру фотографа делала собственными силами. Ей нравилось, что это дает возможность многого не выставлять напоказ. Особенно ее пристрастия к кроссвордам и книгам о Гражданской войне. Если бы только мужчины, с которыми встречалась Мэгги, знали, что передачи Исторического канала она записывает на диски гораздо чаще, чем шоу «Подиум».

Майкл потянулся к мини-бару и налил себе виски со льдом.

— Не вижу ничего плохого в том, чтобы полистать «Вог». Для моих сестер он был когда-то настольной книгой.

— Я еще иногда и читаю. В «Плейгёрл» бывают увлекательные статьи.

Майкл рассмеялся, и Мэгги почудилось, будто этот звук обволакивает ее, словно облако взбитых сливок.

— Может быть, расскажешь немного о своей работе? Как тебя угораздило стать фотографом?

Ответ на этот вопрос промелькнул в сознании Мэгги, но произносить его вслух она не стала. Потому что на мир лучше всего смотреть через объектив? Потому что фотосъемки давали ей возможность наблюдать за людьми со стороны — почти что узаконенный вуайеризм? Она отпила глоток кьянти из своего бокала.

— Однажды на Рождество мне подарили «Никон» со всем дополнительным снаряжением и велели отправляться на неделю в лагерь для любителей фотографии. У гувернантки надвигался отпуск, присматривать за мной было некому, так что я поехала в лагерь. Там был отменный инструктор, он многому меня научил, и я пристрастилась к этому занятию.

Испытующий взгляд Майкла, казалось, прожигал насквозь все возведенные ею преграды, настоятельно требуя правды. По счастью, сумятица чувств, которые тогда обуревали Мэгги, после стольких лет похоронена так глубоко, что и выдавать было нечего.

— Выглядит так, будто тебя поддерживали финансово, но не морально. В модной индустрии высокая конкуренция, особенно в Милане. Должно быть, ты в высшей степени

талантливый и целеустремленный фотограф, если твои услуги пользуются таким спросом.

— Я всегда обладала чувством стиля, — пожала плечами Мэгги и с притворным смешком добавила: — Особенно когда дело касается мускулистых полуобнаженных мужчин.

Она ожидала, что Майкл снова рассмеется, но он промолчал и лишь все так же испытующе разглядывал ее.

— И ты никогда не пробовала расширить круг своей деятельности?

Мэгги вытянула ноги и поудобнее откинулась в уютном кресле.

— Разумеется, пробовала. Когда работы было не густо, я делала снимки для «Гэп» и «Виктория секрет».

— Ты не очень-то любишь говорить о себе, верно, сага?

Этот вкрадчивый, ласкающий голос будоражил кровь и пробуждал в Мэгги ненужные желания. Опасные желания. К примеру, чтобы язык Майкла глубоко проник в ее рот, чтобы руки его скользили по ее обнаженному телу. О да, этот человек очень хорош. Сплошное обаяние, юмор и чувственность, облеченные в силу, перед которой не устоит ни одна женщина. Один только искушающий взгляд так и вынуждает удариться в откровенность.

— Нет, напротив. Спрашивай, о чем пожелаешь. Семейные трусы или плавки? «Метс» или «Янкиз»? Диско или хип-хоп? Давай, напряги извилины.

— Расскажи о своих родителях.

Мэгги не стала колебаться:

— Мой отец женат в четвертый раз. Он любит деньги, терпеть не может работать и видится со мной лишь затем, чтобы потрафить своей новой жене. Она, судя по всему, высоко ценит семейные связи, а он стремится ее порадовать. Пока. Он красив, очарователен и — абсолютная пустышка. Моя мать воображает себя звездой и бесится оттого, что уже немолода и что у нее двое взрослых детей. Сейчас она съехала с каким-то актером и выклянчивает мелкие роли в массовках разных сериалов.

— А твои мужчины? — Майкл всем существом излучал такое любопытство, что Мэгги становилось не по себе. — Что ты скажешь о них, *la mia tigrotta*? Ты чураться прочных привязанностей из-за своих родителей?

От такой прямоты у Мэгги перехватило дыхание, но она взяла себя в руки.

— Отношения с мужчинами я строю на выгодных для себя условиях, — не моргнув глазом, солгала она. — Считаю ли я, что в наше время найти настоящую любовь практически невозможно? Черт возьми, да, считаю. Я убеждалась в этом неоднократно. К чему тратить силы? К чему обрекать себя на неизбежную боль и сердечные страдания в поисках того, кто будет тебе дороже жизни? К тому же лично я подозреваю, что такого человека не существует... зато неплохо провожу время с теми, кто не претендует на длительную связь.

На миг воцарилась тишина, которую нарушало лишь негромкое гудение двигателя самолета.

— Сочувствую.

Услышав это негромко произнесенное слово, Мэгги стиснула зубы.

— Отчего это? — с вызовом осведомилась она. — Меня не били, не морили голодом, не наказывали. Я росла в богатом особняке, под присмотром толпы няnek, гувернанток и кухарок, у меня были все игрушки, каких только душа пожелает. Я делаю что хочу и когда хочу — и ни перед кем не отчитываюсь. С какой это стати ты вздумал мне сочувствовать? Я счастливей подавляющего большинства людей. — Майкл кивнул, но Мэгги нутром чуяла, что

он ей не верит. — Скорее уж я должна бы посочувствовать тебе.

— Мне?! — отпрянул от неожиданности Майкл.

— Именно. В конце концов, я уже знаю все твои тайны.

Шпилька попала в цель. Он напрягся и с нарочитой небрежностью пригубил виски.

— Да, но я мог бы сказать о себе то же самое, что и ты. Я человек простой — как говорите вы, американцы, «открытая книга». — Майкл сопроводил свои слова взмахом руки, и на пальце его блеснуло обручальное кольцо — в точности такое, как у Мэгги.

Она едва ли не замурлыкала, довольная тем, что разговор сместился с нее.

— У тебя дружная семья, которая оказывала тебе моральную поддержку. Достаточно денег, чтобы строить свою жизнь сообразно желаниям. И при этом ты не сумел найти женщину, которая смогла хотя бы на неделю изобразить, что любит тебя. Неудивительно, что твоя мать так упорно придерживается семейной традиции. Было ли у тебя в прошлом хоть одно серьезное увлечение?

В черных глазах Майкла сверкнул огонек гнева.

— Я встречаюсь с женщинами, — холодно ответил он. — То, что я до сих пор не нашел ту, единственную, не означает, что я отказался от поисков.

— Дивная стойкость. Так чего же ты ищешь, Граф? Какая женщина зажжет в тебе желанный жар и побудит остепениться?

Он что-то пробормотал сквозь зубы, и Мэгги откинулась назад, приготовившись наслаждаться спровоцированным ею спектаклем.

— Я был бы счастлив остепениться и дать моей маме то, о чем она так мечтает, — наконец произнес он, — но только не за счет собственного счастья. Видишь ли, *carra mia*, я верю в ту самую настоящую любовь, которую, по твоим словам, найти практически невозможно. Я просто считаю, что отыскать ее нелегко, и не желаю довольствоваться малым.

— А как же все те женщины, с которыми ты спишь? Ты соблазняешь их интереса ради, чтобы получить удовольствие, или потому, что всякий раз надеешься найти ту, единственную?

Глаза Майкла блеснули, когда Мэгги нанесла этот выпад. В который раз ее изумляло то, как легко он превращался из вкрадчивого соблазнителя в жесткого мужчину, не желающего плясать под женскую дудку.

— Надеюсь. Я сплю с ними, стараюсь, чтобы они получили удовольствие, и надеюсь, что поутру мне захочется чего-то большего.

Мэгги стало трудно дышать. На секунду все поплыло перед глазами, потому что слова Майкла вторили ее собственным бесплодным поискам того, кто справится ночью с преследующими ее демонами и при этом не поблекнет в беспощадном утреннем свете. Сердце лихорадочно застучало, но на сей раз виной тому был вовсе не приступ паники... а он, Майкл Конте.

Пальцы Мэгги со всей силы стиснули изящную ножку бокала. Сдержанная чувственность, которую излучал Майкл, оплела ее, словно паутиной, и она замерла беспомощной мошкой под его пристальным взглядом, в котором вспыхнуло внезапное понимание.

— И ты тоже? Ты чувствуешь то же самое? — спросил он. Мэгги вздрогнула, как от удара наотмашь. — Спишь с мужчинами, чтобы спастись от одиночества, всякий раз надеясь, что оно сменится чем-то бо льшим? Просыпаешься утром с муторным ощущением, понимая,

что вновь себе солгала? И думаешь: неужели тебе суждено быть одной до конца своих дней? И какая заноза, засевшая глубоко внутри, мешает тебе обрести счастье?

Да! Боже милостивый, да!

Мэгги вдруг осознала, что вот-вот расплатится. Ужас при мысли о подобном позоре вынудил ее взять себя в руки. Ни за что на свете она не выдаст этому человеку своей потаенной слабости. Он потом использует это знание против нее, попытается залезть к ней в душу и выведать ее секреты. Мэгги хорошо знала, что ею движет, знала, что сосущая пустота внутри родилась, когда ей было шестнадцать и парень, которому она всецело доверяла, безжалостно растоптал все ее прекрасные мечты и надежды на счастье. С тех пор она стала сильной и придумала собственный способ мести. Никогда больше она не допустит, чтобы кто-то лишил ее возможности самой распоряжаться своим телом и духом.

Если Майкл сейчас проникнет в ее тайну, у нее не останется ничего.

А потому Мэгги лишь улыбнулась и приветственным жестом подняла бокал:

— Извини, Граф. Я сплю с ними потому, что они мне нравятся. Впрочем, спасибо за участие.

Оскорбительный тон произвел именно тот эффект, на который она рассчитывала. Искренность, светившаяся в лице Майкла, погасла, словно на солнце набежала грозовая туча. Сердце Мэгги болезненно сжалось, когда она заметила, как во взгляде его вспыхнуло разочарование, приправленное малой толикой сожаления. На долю секунды она ощутила невероятную близость между ними — близость, какой никогда прежде не испытывала с мужчиной. Даже в постели.

— Понимаю. Что ж, тогда не будем отступать от правил?

Мэгги ничего не ответила. С нарочитой неторопливостью она взяла в руки журнал и, развернув его, подчеркнуто углубилась в чтение. Майкл понял намек с полуслова, и оставшиеся часы полета прошли в полной тишине. Наконец на борту вспыхнул огонек внутренней связи, и из динамика донесся голос пилота:

— Сэр, через пятнадцать минут мы совершим посадку в аэропорту Орио-аль-Серио. Пожалуйста, пристегните ремни.

Майкл нажал на кнопку:

— Спасибо, Ричард.

Они пристегнулись. Мэгги одним глотком осушила бокал, стараясь не замечать, как заняло под ложечкой.

* * *

Майкл искоса глянул на женщину, которая сидела рядом с ним в машине, мчавшейся между округлых холмов по извилистой дороге к его дому. Верх машины был откинут, и спутанные золотисто-рыжие волосы Мэгги прихотливо раздувал ветер, но ее, похоже, это ничуть не беспокоило. Судя по поджатым губам, она напряженно что-то обдумывала, — по всей вероятности, входила в образ перед знакомством с его родными. За последние двадцать четыре часа Майкл многое узнал о Мэгги Райан.

К сожалению, это была верхушка айсберга, которая лишь распалила его желание узнать больше.

Свежая зелень деревьев и бурые заплатки земли мелькали мимо, и это знакомое зрелище

согревало душу Майкла. Многие поколения его предков были землевладельцами, а теперь все эти угодья перешли к нему. И все же Майкл всегда, с самой первой поездки в Нью-Йорк, твердо знал, что хочет сделать карьеру именно там. Отец тогда взял его с собой, чтобы погостить у дяди, и многолюдный улей Манхэттена очаровал Майкла, пробудив в нем стремление во что бы то ни стало завоевать этот город. Увы, людские толпы и беспорядочная городская суэта мало соответствовали его потребности в уединении и жизни на природе. Приняв решение распространить деятельность «Ла долъче фамилия» на Соединенные Штаты, Майкл принялся искать место жительства, в котором притягательные черты Манхэттена сочетались бы с менее суетной атмосферой. Путешествуя по северной части штата, он обнаружил подлинный бриллиант, укрытый в величественных горах долины реки Гудзон, и понял, что нашел место, которое наконец-то сможет назвать своим домом.

Хотя Майкл был счастлив в Нью-Йорке, родные места неизменно придавали ему жизненную силу. Напоминание о том, каким он был когда-то и откуда пришел на свет. Здесь, на принадлежавшей ему земле, не было места ни лжи, ни притворству. В безумном мире новых технологий, денег и деловой конкуренции Майклу необходимо было время от времени напоминать себе о том, что по-настоящему важно.

Город Бергамо, обнесенный стенами, чудился Майклу сокровищем, надежно упрятым в сердце могучей крепости. Уютно примостившийся у подножия Альп, разделенный на верхнюю и нижнюю часть, Бергамо идеально сочетал в себе черты Старого и Нового Света. Наслаждаясь гладким ходом спортивной машины, Майкл проехал из Citta Bassa в Citta Alta^[11], и городская суэта сменилась мирной, почти сельской тишиной. Ощущение покоя и тихой радости охватило Майкла и становилось все сильнее по мере приближения к родному дому.

Он уловил густой аромат сандала и невольно шевельнулся на сиденье. Мэгги была соткана из чувственных контрастов. Охотничий инстинкт, живший в Майкле, изнывал от желания проникнуть вглубь ее натуры, понять, чем она живет и дышит.

Ошеломление, которое отразилось на ее лице, когда Майкл поведал о своей тайне, поразило его в самое сердце. Он никому прежде не рассказывал о своих бесплодных поисках женщины, которая стала бы для него единственной и неповторимой. В конце концов, большинство мужчин посмеялись бы над ним, а женщины, по всей вероятности, захотели бы принять брошенный вызов и взять штурмом его сердце. Мэгги ухитрилась так его взбесить, что признание само сорвалось с его уст прежде, чем он успел одуматься. И все же по лицу ее было ясно, что метания Майкла ей знакомы, а это красноречивее слов говорило о ее собственных сокровенных мечтаниях.

Майкл доехал до вершины холма и, затормозив перед внушительной терракотовой виллой, заглушил двигатель.

— У нас есть еще минута, прежде чем они выбегут нам навстречу.

— Красивый дом, но я не таким представляла себе жилище миллионера.

Майкл поглядел ее глазами на безыскусные очертания родного дома и вздохнул:

— Мама не хочет переезжать. Я хотел построить для нее замок, достойный всех ее свершений, но она только посмеялась надо мной. Сказала, что нипочем не покинет землю, которая принадлежала ее предкам, и дом, в котором жил отец.

— Твоя мама мне уже нравится.

— Она даже отказалась от прислуги. Слышать не желает ни о каких горничных или кухарках. Я договорился с одной женщиной, чтобы, когда мама уходит к мессе, она тайно

пробиралась в дом и устраивала там генеральную уборку. — Майкл тряхнул головой. — Ладно, все это мелочи. Ты готова?

Лицо Мэгги оставалось совершенно бесстрастным... и все же в ее изумрудно-зеленых глазах промелькнула едва заметная искорка неуверенности. Майкл сжал ее руку, и пальцы их переплелись. Судорожный вздох вырвался у Мэгги, и звук этот отдался в его ушах сладчайшей музыкой, от которой его бросило в жар. Господи, с какой же готовностью она откликается на его прикосновения! Искра, проскочившая между ними, дразняще намекала на невыразимое блаженство, которое Майкл страстно мечтал испытать, хотя и признавал, что ему это не суждено. Ярко-розовые ногти Мэгги впились в его ладонь, и он большим пальцем намеренно надавил на чувствительную точку — в том месте, где на запястье Мэгги бился тонкой жилкой пульс. Так и есть! Этим прикосновением он завел ее с пол-оборота. Мэгги, впрочем, не дрогнула и лишь бесшабашно тряхнула головой.

— Ну, — сказала она, — вперед!

Мэгги выбралась из машины в тот самый миг, когда дверь дома распахнулась настежь и на мощеную дорожку опрометью выбежали сестры Майкла.

Не стовариваясь, они разом бросились обнимать брата. Задохнувшись от радости, Майкл заключил их в ответные крепкие объятия, и в ушах у него зазвенело от их восторженного, знакомого до боли щебета. Майкл по очереди поцеловал сестер в макушки и, чуть отстранившись, окинул их внимательным взглядом:

— С тех пор как мы не виделись, вы стали еще краше!

Перед ним стояли две поразительно схожие красавицы — густые черные волосы, черные глаза, чеканные черты лица. Соблазнительные округлости Венеции когда-то побуждали Майкла устраивать ее воздыхателям настоящие допросы касательно их намерений, а независимый нрав Джульетты стал причиной многих его бессонных ночей. Эти две его сестры были упрямы и дерзки, однако в итоге всегда склонялись перед волей брата, как того требовал уклад семьи. Карина, которой исполнилось двадцать три, созрела позже других. Майкл тотчас заметил, что она все так же сутулится, стараясь мешковатой одеждой замаскировать высокий рост и вполне оформившуюся фигуру. И остро пожалел, что был далеко и не мог позаботиться о ней в этом нежном и уязвимом возрасте.

Услышав восклицание Майкла, Карина хихикнула, но две старшие сестры лишь выразительно закатили глаза.

— Вот таким образом ты обхаживал и свою невесту? — осведомилась Венеция. — Банальные комплименты, сладкие улыбочки — и все только ради того, чтобы заморочить голову? Тебя не было дома, считай, год, и тут бац — ты безо всякого предупреждения предьявляешь маме свою свеженькую жену!

Карина поглядывала то на сестер, то на Мэгги, в приступе беспокойства покусывая нижнюю губу.

— Думай, что говоришь, Венеция! — властно одернул Майкл. — Быть может, моя жена куда лучше тебя понимает, что я стараюсь ради семьи.

Мэгги отошла от машины, покачивая бедрами в древнем как мир ритме, изобретенном еще Евой. Ее шелковистые волосы при каждом шаге колыхались за плечами, и она остановилась рядом с Майклом с таким видом, словно готова была во всем поддержать его.

— Я жена вашего брата, кстати, меня зовут Мэгги. И — нет, он обхаживал меня не с помощью комплиментов. Он завоевал мое сердце самым что ни на есть традиционным способом. — Мэгги сделала театральную паузу, и ее полные губы изогнулись в откровенной

усмешке. — Потрясающим сексом.

Мертвую тишину, которая воцарилась на дорожке, нарушало лишь беззаботное чирикание птиц. Майкл зажмурился, вне себя от ужаса. Он убьет эту женщину! Его старшие сестры уставились на Мэгги, открыв рот. Карина ахнула.

И с чего это ему взбрело в голову, будто он способен держать Мэгги в узде?

Венеция сдавленно хихикнула, во взгляде Джульетты промелькнуло восхищение, а у Карины был такой вид, словно она встретила героиню своей мечты.

Майкл был специалистом по выходу из кризисных ситуаций, и сейчас его мозг лихорадочно работал над достойным ответом, который исправит положение.

— Нет ничего дурного в том, чтобы завлечь мужчину сексом, — прозвучал от дверей дома знакомый голос, и на дорожку ступила хрупкая женская фигурка. — Гораздо важнее то, как поступишь потом. По крайней мере ты вышла за него замуж и прикрыла грех.

— Мама?

Все разом обернулись, глядя на приближавшуюся к ним невысокую женщину, которая опиралась на резную палку. С каждым ее шагом палка ритмично постукивала по плиткам дорожки, и от этого властного стука у Майкла по спине побежали мурашки. Ее длинные седые волосы были, как обычно, стянуты тяжелым узлом на затылке, оливково-смуглую кожу покрывала сеть морщинок, особенно густо залегших в уголках глаз. Эта женщина часто щурилась на солнце и часто смеялась. Она произвела на свет четверых детей, и все они, унаследовав отцовские гены, вымахали на голову выше матери, однако ее резкий оклик по-прежнему бросал в дрожь всякого, кто вызвал ее неудовольствие или просто попался ей под ноги. На ней были удобные легкие брюки, сандалии и простая белая блуза с наброшенной на плечи вязаной кофтой.

Женщина остановилась перед собравшейся на дорожке компанией. Губы ее чуть заметно подрагивали, однако лицо осталось совершенно бесстрастным, когда она окинула Мэгги испытующим зорким взглядом. Пауза затянулась, и все, затаив дыхание, ждали, когда она произнесет хоть слово.

Наконец тишину нарушила Мэгги:

— Синьора Конте, для меня большая честь наконец-то познакомиться с вами. — Она с поднятой головой, не дрогнув, встретила взгляд матери Майкла, и в голосе ее звучало неподдельное уважение. — Ваш сын поступил как последний болван, когда не сообщил вам о нашей помолвке. Я приношу свои извинения за него.

— Извинения приняты, — кивнула мать Майкла. — Добро пожаловать в нашу семью. — С этими словами она расцеловала Мэгги в щеки и тут же нахмурилась. — Ты чересчур худая. Современные девушки вечно чересчур худые. Мы исправим это немедленно. — И резко повернула голову. — Девочки! Вы еще не поздоровались со своей новой сестрой?

Напряжение спало, и сестры Майкла бросились обнимать и целовать Мэгги. Майкл, до этой минуты задерживавший дыхание, шумно выдохнул и обнял мать. И получил в ответ суровый взгляд, который совершенно не вязался с ее хрупкостью.

— Привет, мама.

— Майкл, я на тебя сердита, но выволочку ты получишь позже.

Он хихикнул и ласково провел пальцем по ее морщинистой щеке:

— Mi dispiace^[12]. Я постараюсь загладить свою вину.

— Sì. Заходите в дом и располагайтесь.

Знакомые с детства картины, звуки и запахи окружали Майкла со всех сторон. Он

окинул взглядом покатую терракотовую крышу, чугунные решетки балконов и замысловатые каменные колонны, которые с двух сторон ограждали входную дверь. Ярко-желтые и красные стены соперничали в красочности с густыми зарослями цветов. Трехэтажный дом, выстроенный на вершине холма, возвышался над округой, словно монарх, благосклонно вззирающий на своих подданных, занимая собой свыше пяти акров окрестных лугов. Вымощенные резными плитками дорожки вели к закрытой террасе и бассейну, окруженным галереями и пышной зеленью садов. Вдалеке высились Альпы, и с балкона были хорошо видны их могучие, укрытые снежными шапками вершины.

Покуда сестры охали и ахали, разглядывая обручальное кольцо Мэгги, Майкл прошел через ряд дверей — и его окутали облаком запаха чеснока, лимона и базилика. Керамическая плитка, блиставшая безупречной чистотой, оттеняла шкафчики и стол из сосны. На массивных кухонных столах красовались свежая зелень, помидоры, набор кастрюль и сковородок. То было мамино царство и рай земной для всех детей с той минуты, когда они впервые вкусили манящую сладость пирожных и роскошь крема. Всех их мама научила готовить, но никому не смогла передать своего уникального кулинарного дара, и потому на фирму работали в основном тщательно подобранные шеф-повара. Занятно, что все дети Конте в той или иной степени унаследовали деловые способности своего отца, но мама никогда не принуждала их заниматься тем, что было им не по душе.

В памяти Майкла на миг всплыло воспоминание о собственных мечтах... но он не был склонен предаваться сожалениям. Ни тогда, ни теперь.

Никогда.

Майкл оглянулся на Мэгги. Она как ни в чем не бывало болтала с его сестрами и, похоже, не испытывала ни малейших угрызений совести от своего шокирующего выступления. Мэгги явно решила, что Майкл станет смиренно сносить ее возмутительные выходки из благодарности за то, что она вообще согласилась участвовать в этом фарсе.

— Мэгги, мне нужно с тобой поговорить.

Словно почуяв его раздражение, Мэгги искоса метнула на него взгляд и выразительно вскинула бровь. Майкл подавил смешок.

— Отнеси ваши вещи наверх, — велела мама. — Я приготовила для вас комнату. Когда устроитесь, приходите в сад, будем пить кофе с легкими закусками.

— Sì.

Майкл забрал вещи из машины, вернулся в дом и жестом приказал Мэгги следовать за ним. Она покинула общество сестер Майкла, и они вдвоем поднялись наверх, где располагалась приготовленная для них спальня. Там Майкл бросил свою ношу на пол, пинком захлопнул дверь и развернулся к Мэгги.

— Остроумное начало, *la mia tigrotta*, но, думаю, тебе пора понять, кто здесь устанавливает правила. — Он шагнул ближе и всем своим ростом навис над Мэгги. — И немедленно.

Мэгги очутилась лицом к лицу с разъяренным мужчиной шести с лишним футов ростом. Хотя Майкл не коснулся ее даже пальцем, она не могла шелохнуться, словно оцепенела. Обычное его ленивое обаяние исчезло бесследно, и сейчас от него ощутимо веяло угрозой. Похоже, она ухитрилась не на шутку его взбесить. Увы, при этой мысли Мэгги не испытала ни малейшего страха, наоборот — ее охватило возбуждение. Черт возьми, каким он был бы сейчас в постели?! Нагой, мускулистый и... властный.

Обычно Мэгги держалась подальше от мужчин, которые склонны проявлять власть над женщиной, но Майкл ее ничуть не испугал. По крайней мере в обычном смысле этого слова. Губы ее разомкнулись, неосознанно призывая его действовать. Взгляд черных глаз Майкла словно впился в ее маняще приоткрытый рот. Мэгги изнывала от желания узнать, каков будет на вкус его поцелуй. Ощутить, как его язык властно проникает в ее рот, как он наваливается на нее всей тяжестью своего сильного тела, избавляя от необходимости принимать решение самой.

Миновала секунда, за ней другая.

Слова слетели с уст Мэгги прежде, чем она успела их удержать.

— В чем дело, Граф? Язык проглотил?

Майкл резко отвернулся и разразился потоком цветистых ругательств. Оцепенение, сковавшее Мэгги, разом спало, но от угрозы, которую он излучал, по спине пробежал холодок. И еще она ощутила мимолетное разочарование от упущенной возможности... но решительно отогнала это чувство.

— Полегче, сага! Дразнить меня, может, и забавно, но рано или поздно мне это надоест, и я пушу в ход силу.

— Ты говоришь точь-в-точь как в моих любимых эротических романах, — пренебрежительно фыркнула Мэгги. — Вот только я, дружок, не твоя рабыня, а ты не мой господин. Мой ход оказался верен. Я давно уже решила с самого начала поставить твою родню перед фактом, чтобы мне не пришлось играть роль, к которой я не приспособлена. В итоге они уяснят, что я не сахар и не традиционная итальянская женушка, — усмехнулась она. — Кстати, у тебя потрясающая мама.

— Она больна, так что очень тебя прошу, будь поаккуратней.

— О господи! Что с ней?

Майкл глубоко вздохнул и провел ладонями по лицу:

— Артрит коленного сустава... и, кроме того, слабое сердце. Ей нельзя переутомляться и волноваться, а потому я намерен во время нашего визита всячески ее ублажать. — Он сдвинул брови. — Надеюсь, ты будешь поступать так же.

— Одну неделю я сумею пробыть пай-девочкой.

— Не поверю, пока не увижу собственными глазами, — пробормотал Майкл. — Смотри не пытайся послать меня в нокаут, когда я тебя поцелую. — Вид у него стал задумчивый, и Мэгги едва удержалась от того, чтобы нервно сглотнуть. — В сущности, мне бы стоило поцеловать тебя прямо сейчас. Сию минуту. Для тренировки, само собой.

— Я вполне способна не шарахнуться, если ты до меня дотронешься! — зашипела, словно разозленная змея, Мэгги.

— Не уверен. — Майкл сделал шаг — и оказался вплотную к Мэгги. Ее обдало жаром

его тела. — Одна оплошность — и нашему фарсу придет конец. Я не могу этого допустить. Особенно если для уверенности достаточно всего лишь разок заранее поцеловаться.

— Я очень хорошо умею притворяться, — заверила Мэгги с усмешкой. Едва уловимый запах мужского тела, приправленный ароматом мускуса, так и манил ухватиться за подвернувшуюся возможность. Сердце екнуло при мысли о том, что Майкл попросту провоцирует ее... но это обстоятельство лишь подхлестнуло Мэгги. — Никто даже не поймет, что мне твои поцелуи до лампочки, так что и тренироваться незачем.

Майкл молчал, не сводя с нее глаз, и ей начало уже казаться, что опасность отступила.

— Давай-ка проверим теорию практикой.

С этими словами он рывком притянул Мэгги к себе. Она оказалась прижата к его твердому мускулистому телу и едва успела машинально вскинуть руки, чтобы упереться в грудь Майкла. Пальцы ее вцепились в мягкую ткань мужской рубашки. Ступни его с двух сторон стиснули ее ноги, и она пошатнулась. Губы Майкла замерли почти у ее губ.

— Убери руки, — процедила Мэгги.

Ее бросило в пот. Черт, что, если она раскиснет, как последняя дура? Что, если она застонет, когда он накроет поцелуем ее рот? Нельзя поддаваться. Нельзя отвечать ему. Нельзя...

— Что ты так нервничаешь? — В глазах Майкла плясали насмешливые искорки. — Можно подумать, ты ни разу в жизни не целовалась.

— Я не люблю, когда мной командуют! — огрызнулась она.

Губы его подозрительно дрогнули.

— Может быть, тебе просто не попадался мужчина, которому было бы приятно подчиняться.

— Да ладно тебе! Неужели есть женщины, которые клюют на эту фразу? Если так, они просто безмозглые дурехи. Убери руки и...

Майкл прильнул поцелуем к ее губам.

Теплые мягкие губы его оборвали поток сердитых слов, и Мэгги тотчас позабыла обо всем на свете, поглощенная одной мыслью: как он целуется.

Все ее чувства словно сорвались с цепи. Она любила целоваться и неизменно получала удовольствие от этого занятия, но поцелуй с Майклом был совершенно не похож на все другие. Жар, веявший от его тела, напомнил Мэгги оборотня — персонажа фильмов саги «Сумерки», которые она тайно обожала. Майкл провел языком по ее сжатым губам и без лишних церемоний проник между ними. Если бы он действовал чересчур настойчиво, Мэгги нашла бы в себе силы сопротивляться, но скольжение его языка было вкрадчиво, словно приглашало присоединиться к игре. Его легкая небритость царапала ее нежную щеку. Прижавшись ногами к ногам Мэгги, Майкл опустил руки, обхватил ладонями ее округлые ягодицы, чуть приподнял — и она ощутила бедрами красноречиво твердую выпуклость.

У нее вырвался стон. Уловив это, Майкл стал настойчивей, и Мэгги, разомкнув губы, сдалась.

Язык его проникал в ее рот повелительными, ритмичными движениями, словно показывая, как Майкл мог бы овладеть ее телом, если бы только она дала ему такую возможность. Она попыталась вынырнуть из сладостного омута, взять себя в руки, но разум отказывался подчиняться, отступив перед ликующей плотью. Майкл прошептал ее имя, и ноги у нее подкосились. Тогда она, вцепившись в него, чтобы не упасть, горячо ответила на поцелуй.

Сколько это длилось — минуту, час? Наконец Майкл отстранился — медленно, словно ему меньше всего на свете хотелось отрываться от нее. В это мгновение Мэгги ненавидела себя. Вместо того чтобы вцепиться Майклу пощечину или отпустить хлесткий комментарий, она лишь беспомощно смотрела на него. Кончиком языка она провела по распухшей нижней губе.

Майкл застонал. Грудь его тяжело и неровно вздымалась.

— Ты права, — негромко проговорил он. — Ты действительно умеешь притворяться.

Мэгги отпрянула, молясь только о том, чтобы не покраснеть.

— Я же говорила, — выдавила она.

Майкл отвернулся, задвинул вещи в угол комнаты и распахнул дверцу стенного шкафа.

— Здесь достаточно места для нас обоих. Эта комната на всю неделю в нашем распоряжении.

Мэгги вздрогнула, разом вернувшись в реальный мир. В обстановке комнаты не было недостатка в деталях, создающих уют, но вместе с тем недвусмысленно говорящих о том, что здесь живет мужчина: ярко-синие напольные коврики, мебель из вишневого дерева и полное отсутствие вычурных безделушек. Темно-красное покрывало довершало элегантный вид кровати, занимавшей середину комнаты. Мэгги воззрилась на кровать, которая оказалась чуть меньше, нежели она рассчитывала, и вдруг сообразила, что в комнате нет ни дивана, ни мягкого ковра. Сознание того, что им придется спать на одной кровати, вывело ее из равновесия. Боже милостивый, она только что растаяла как воск всего лишь от одного поцелуя. Что, если ей во сне вздумается повернуться на бок? Или если она нечаянно дотронется до его мускулистой, скульптурно вылепленной груди... и совершит непоправимую глупость?

Нелепость ситуации вызвала у Мэгги такое раздражение, что она сделала то, чем владела в совершенстве: бросилась в атаку первой.

— Неплохая кровать.

Майкл кашлянул:

— Для тебя это приемлемо? Если нет, я всегда могу постелить себе одеяло на полу.

— Граф, — выразительно закатила глаза Мэгги, — я уже большая девочка, так что держись на своей половине кровати — и этого достаточно. Я буду спать слева.

— Как пожелаешь.

— Ты ведь не храпишь?

В глазах Майкла блеснули озорные искорки.

— Пока что никто не жаловался.

— Ладно, если тебе соврали — сообщу. Пригодится на будущее.

Майкл жестом указал на ванную и стеклянные двери, которые вели на балкон.

— Может быть, примешь душ, освежишься, а когда будешь готова, спустишься вниз? Я покажу тебе дом и все имение. Когда у тебя съемки в Милане?

— Завтра. Я пробуду там почти весь день.

— Отлично. Встретимся завтра во второй половине дня, чтобы оформить в консульстве наши Atto Notorio и Nulla Osta^[13]. Насчет свидетелей я уже позаботился. Не забудь прихватить все свои документы. Мне пришлось нажать на кое-какие рычаги, чтобы мама не заподозрила меня в желании потянуть время.

— Ты же, кажется, говорил, что найти священника, который бы нас обвенчал, будет невозможно? — судорожно сглотнула Мэгги.

— Найти священника, который проведет венчание в такой спешке, действительно нелегко, но мама согласится только на такое заключение брака. Добиться его одобрения за неделю невозможно.

— Вот и хорошо.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Майкл переступил с ноги на ногу, и ткань его джинсов натянулась посередине, обозначая красноречивую выпуклость. Черная рубашка откровенно подчеркивала ширину его плеч и груди... не говоря уж о жилистых длинных руках, покрытых темным пушком волос. Тело Мэгги помимо воли отозвалось на его близость: внизу живота родился томительный жар, соски отвердели и заныли.

Когда она в последний раз так легко возбуждалась при виде мужчины? Быть может, все дело в вызове? Женщину вечно влечет к мужчине, который для нее недоступен. Особенно если этот мужчина по уши влюблен в другую.

Верно?

— Мэгги? Что с тобой?

Она решительно стряхнула наваждение, приписав его синдрому смены часовых поясов.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Альфальфа — один из героев популярного телесериала; отличался прядью волос, торчавшей на макушке. — *Здесь и далее прим. перев.*

Дорогая (*ит.*).

Да (*ит.*).

Моя тигрица (*ит.*).

Боже (исп.).

Здравствуй, красавица (*ит.*).

Пожалуйста, дорогая (*ит.*).

«*Лайфтайм*» — американский кабельный телеканал, специализирующийся на фильмах, комедиях и драмах, где главные роли играют исключительно женщины.

Понятно? *(ит.)*

Платинистое золото — разновидность самородного золота. — *Прим. ред.*

Нижний город, Верхний город (*ит.*).

Сожалею (*ит.*).

Нотариальный акт и разрешение на брак (*ит.*).